

№4
Апрель 2017

ТРУССКИЙ КЛУБ

ДРУЖБА КАК ПОВОД
СОЗДАВАТЬ КНИГИ

С. 20

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№4⁽¹³⁸⁾
Апрель 2017

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ПОДМОСКОВНАЯ ПАЛЕСТИНА
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 6 СОЗДАНА АССОЦИАЦИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ РУССКИХ ТЕАТРОВ ЗАРУБЕЖЬЯ
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 8 ПОДНЯТЬСЯ НАВЕРХ
НИНА ШАДУРИ
- 10 ГРИГОРИЙ ЗАСЛАВСКИЙ: «ГИТИС ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРЕКРАСЕН»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 15 НАУКА СТРАДАЕТ, НО НЕ ПРОПАДЕТ
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 20 ДРУЖБА КАК ПОВОД СОЗДАВАТЬ КНИГИ
НИНО ЦИТЛАНДЗЕ
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 29 ГРУЗИЯ: ВЗГЛЯД ЭМИГРАНТКИ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 32 ВОСПОМИНАНИЯ
ГАННА ЭЛИАВА-МАЛИЕВА
- 42 ПАТРИАРХИ ГРУЗИНСКОЙ РЕЖИССУРЫ
ТЕЙМУРАЗ АБАШИДЗЕ
- 46 «ТЕАТР П.И. ЧАЙКОВСКОГО» – В ТБИЛИСИ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 49 НЕЗНАКОМКА СО СТАРОЙ ДАЧИ
ЕВГЕНИЙ КОЖОКИН
- 52 ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

На обложке – Памятник родному языку в парке «Деда эна»

Фото **Александра Сватикова**

ПОДМОСКОВНАЯ ПАЛЕСТИНА

■ Алена ДЕНЯГА

Говорят, над башнями Иерусалима витает Вера. Каждый год в преддверии Пасхи мы мыслями обращены к Храму Гроба Господня в Иерусалиме.

В мире есть много мест, осененных светом Божией благодати. Одно из таких чудотворных мест – это Ново-Иерусалимский монастырь в Московской области.

Здесь, на берегах реки Истры, в XVII веке по замыслу Патриарха Никона воссозданы святые места... Здесь свои тайны, загадки и легенды. И совпадения здесь не просто совпадения, ибо они случились по промыслу Господа нашего. Исследователи твердо уверены в том, что изначально волею Божией эта земля была предуготована для создания здесь «русского» Иерусалима.

Интересно, что еще в XVI веке Борисом Годуновым было задумано создать в пределах Московского Кремля комплекс

храмовых сооружений, т.н. «Святую Святых», куда вошел бы и Храм Василия Блаженного, и который должен был стать прообразом святыни Палестинской земли. Но в тот период проект так и не состоялся.

А вот спустя столетие подобный замысел осуществил Патриарх Никон. Мы сейчас можем только гадать, было ли так на самом деле или как-то иначе, но по легенде, Патриарх Никон, увидев эти живописные места, тотчас принял решение заложить здесь монастырь под стать Иерусалимскому храму.

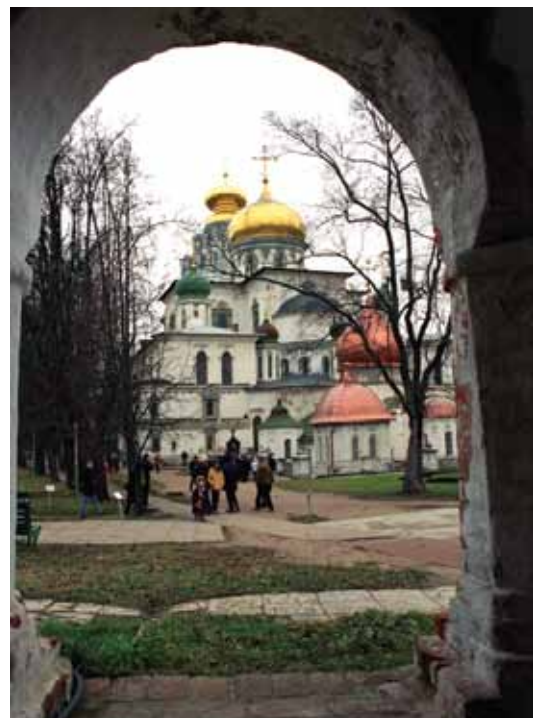
Здесь все топонимы носят палестинские названия. В комплексе монастыря – река Иордан, ручей Кедрон, гора Фавор, холм Елеон – место Вознесения Христа, а крепостные стены носят названия Гефсиманская, Сионская. Сам монастырь раскинулся на Сионском холме. Огромный, великолепнейший по своей архитектуре Воскресенский

собор строился с 1658 по 1685 годы. В его пределах находятся: часовня Гроба Господня (высота шатра – 18 метров), Успенская церковь с основной монастырской святыней – ладонью святой мученицы Татьяны, подземная Церковь святых Константина и Елены с Живоносным источником, здесь же Голгофа, а также Кувуклия («покой»), где был погребен Иисус после распятия и где на третий день он воскрес, и где в Великую субботу Страстной Седмицы в Иерусалиме нисходит Благодатный огонь.

В 1657 году, когда освящали первую, еще деревянную Воскресенскую церковь, царь Алексей Михайлович назвал эти места Новым Иерусалимом.

Есть такое выражение – «икона на местности». Именно такой иконой стал Новый Иерусалим – воистину величественное творение Патриарха Никона.

О святых местах очень сложно писать. Попадая сюда, ты ста-

новишься иным, чище, лучше. Меняется сознание и осознание всего того, что тебя окружает. И метаморфоза, произошедшая внутри твоего существа в атмосфере смирения и любви, не проходит бесследно... На территории монастырского комплекса и переносишься в иное измерение. Время теряет здесь свое значение. Перед тобой лежит целая эпоха, и ты словно становишься ее частичкой.

История храмового комплекса нераздельно связана с судьбой Патриарха Никона. Его фигура перевернула ход событий в развитии русской православной церкви.

В 1644 году в жизни игумена Никона происходит знаменательное событие – его встреча с царем Алексеем Михайловичем. С первого же момента произошло их духовное сближение, возникли доверительные отношения. Ему позволялось присутствовать при обсуждении важных государственных дел. Спустя пять лет Никона избирают митрополитом Новгородским.

Благодаря Никону, испросившему разрешение царя и патриарха Иосифа о переносе мощей митрополита Филиппа с Соловков в Москву, прах убиенного владыки Филиппа перезахоронили в Успенском соборе Московского Кремля.

В 1652 году патриарх Иосиф

скончался и Никон стал его приемником. Он получает титул Патриарх Московский «Великий Государь». В ходе же исторических событий – присоединения сперва Украины к России, а затем и Белоруссии, он именуется «Патриарх всея Великия и Малыя и Белья России».

Патриарх Никон считал, что «церковь – не стены каменные, но каноны и пастыри духовные».

В период его владычества переписывались церковные книги, собирались богатейшие библиотеки. На Великий пост в 1653 году по предписанию Никона перешли на трехперстное наложение креста вместо двуперстного. При нем начался расцвет зодчества – открывались новые монастыри и храмы. Среди них на Валдае был заложен Иверский монастырь, а на Кий-острове – Онежский Крестный монастырь. И, наконец, в 1656 году Ново-Иерусалимский монастырь в селе Воскресенском.

Но время правления Патриарха Никона было коротко. Не обошлось без придворных козней за спиной святейшего, и как следствие – началась черная полоса его жизни. Никон был низложен и по указу царя сослан в Ферапонтов монастырь в Белозерский край. 15 лет он находился в немилости. В своем предсмертном завещании царь Алексей Михайлович испросил у Никона прощения. Наследник царского престола Федор Алексеевич попытался вернуть Никону сан патриарха, но не успел – летом 1661 года Никон преставился. Последнее пристанище он нашел в стенах своего любимого Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря. Увы, но и после кончины Патриарха Никона не оставили в покое. В 2013 году археологи вскрыли его гробницу, она оказалась разграбленной, а непосредственно саркофаг был пуст. И на сей день, где находятся останки, остается неизвестным.

Михаил Лермонтов, побывавший в Новоиерусалимском монастыре, пишет в 1830 году следующие строки с пометкой «Написано на стенах жилища Никона»:

Оставленная пустынь предо мной,
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братии к всенощне в сей мирный час!..
С праздником Светлого Воскресения Христова!

Олег Басилашвили и Николай Свеницкий на церемонии награждения

СОЗДАНА АССОЦИАЦИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ РУССКИХ ТЕАТРОВ ЗАРУБЕЖЬЯ

С 6 по 13 апреля прошел XIX Международный театральный фестиваль стран СНГ и Балтии «Встречи в России». Фестиваль был открыт Учредительным съездом Ассоциации деятелей русских театров зарубежья. Ее девиз: «Мы призываем всех деятелей культуры к поддержке благородных целей создаваемой организации и к сотрудничеству в разнообразных формах и проектах. Ассоциация деятелей русских театров зарубежья призывает деятелей культуры к единению, вместе мы способны изменить многое».

7 апреля на пресс-конференции, посвященной итогам Учредительного съезда и открытию XIX Международного театрального фестиваля стран СНГ и Балтии «Встречи в России», выступил генеральный директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова Н.Н. Свеницкий: «Четверть века мы пытались инициировать создание подобной организации. И отрадно, что это случилось в городе на Неве.

Замечательно, что власти Петербурга поддерживают фестиваль «Балтийский дом», который собрал нас. Это действительно наш дом в России! К сожалению, единственный дом в великой России. Не надо созывать конференции о том, как пропагандировать русский язык и культуру – мы это делаем каждый день. Не надо нас учить, как это делать. Дайте деньги и мы поедем в провинцию грузинскую, армянскую, эстонскую и будем играть Чехова и Толстого. И один наш спектакль по стоимости дешевле чем эти 20 конференций, а пользы будет как от 200 конференций такого рода. Потому что актер на правильном русском языке будет нести русское слово, русский дух, русское сердце. Я благодарен правительству этого великого города. Здесь живут люди, у которых болит сердце за державу. Мы создали такую организацию, чтобы за державу было радостно и почетно говорить. По-моему это основная цель нашей организации».

Участники съезда приняли Устав новой общественной орга-

низации, выбрали руководящие органы (правление и попечительский совет). Председателем правления избран Николай Свеницкий. Председателем Попечительского Совета – Президентом Ассоциации – избран народный артист России, председатель Союза театральных деятелей Российской Федерации Александр Калягин.

В планах Ассоциации деятелей русских театров зарубежья создание единой информационной базы, сайта, проведение мастер-классов, гастролей, выставок и фестивалей. В заключении работы съезда было принято обращение участников и гостей Учредительного съезда Ассоциации деятелей русских театров зарубежья.

С 1998 года в апреле в России ежегодно проводится фестиваль русскоязычных театров ближнего и дальнего зарубежья. С 2008 года по итогам зрительского голосования лучшему спектаклю присуждается Премия имени народного артиста СССР Кирилла Юрьевича Лаврова.

В этом году юбилейную пре-

мию имени народного артиста СССР К.Ю. Лаврова вручили Тбилисскому государственному академическому русскому драматическому театру им. А.С. Грибоедова (Грузия) за спектакль К. Смедс «Ледяные картины» Режиссер – Яри Юутинен. Н.Н. Свентицкий получил премию из рук народного артиста СССР, почетного гражданина Санкт-Петербурга и Тбилиси Олега Валериановича Басилашвили.

«Странное чувство овладело мною сейчас, – обратился к собравшимся Олег Валерианович. – Мог ли я думать, 7-летний мальчик, который ходил в Тбилисский

театр им. Грибоедова в 1941-42 гг. на спектакли Товстоногова, мог ли этот мальчик подумать что он станет Почетным гражданином Тбилиси – своей малой родины, родины своего отца и брата, который погиб на Курской дуге, защищая Советский Союз. Мог ли думать я, артист театра Ленинского комсомола, что буду на этой сцене (театр Балтийский дом) играть спектакль «Дни Турбиных», запрещенный обкомом партии. Мог ли я думать, что увижу своих родных, близких людей в Тбилиси, в Грузии, которые стали по отношению к русским людям, к гостям из России, еще

более гостеприимными нежели 20 лет назад.

Я сейчас испытываю очень странное, смешанное чувство радости, гордости за свою малую родину и за тот театр, который носит гордое имя Александра Сергеевича Грибоедова. Я с большой радостью вручаю диплом Николаю Николаевичу».

А.А. Калягин, председатель Союза театральных деятелей РФ, возглавил Ассоциацию деятелей русских театров зарубежья и направил Генеральному директору театра-фестиваля «Балтийский дом» С.Г. Шубу письмо следующего содержания:

СОЮЗ ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВСЕРОССИЙСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Председатель, народный артист России
КАЛЯГИН Александр Александрович

Генеральному директору

Театра - фестиваля «Балтийский дом»

С.Г. Шубу

Уважаемый Сергей Григорьевич!

Дорогие коллеги!

Я очень рад, что создана Ассоциация деятелей русских театров зарубежья, убежден, что она станет дееспособной и необходимой для всех ее участников.

Я благодарен за Ваше доверие и готов возглавить Ассоциацию, надеюсь, что буду полезен и сумею организовать ее деятельность должным образом. Конечно, это возможно только вместе с вами, и я очень надеюсь на вашу поддержку.

Мы должны выработать конкретный перспективный план наших действий, и я готов услышать все ваши предложения. Сегодня, как никогда, нам важно сохранить наши культурные связи, и не только их не потерять, а сделать их еще крепче, и мы все вместе несем за это ответственность.

Особенная моя благодарность Николаю Свентицкому, директору Тбилисского государственного академического Русского драматического театра имени А.С. Грибоедова, заслуженному деятелю искусств РФ, который согласился возглавить правление Ассоциации деятелей русских театров зарубежья. Я знаю, что он талантливый организатор, человек активной позиции, обладающий лидерскими способностями. Уверен, что его энергия, опыт и знания будут способствовать работе Ассоциации.

Еще раз благодарю вас всех, будем работать, надеюсь, слаженно и успешно.

Искренне Ваш,

Александр Калягин
Александр Калягин

и благодарностью! Ваш Николай

Россия, 107031, Москва, Страстной бульвар, 10. Тел.: (495) 650 2846, факс: (495) 650 0132. E-mail: stdrf@stdrf.ru

ПОДНЯТЬСЯ НАВЕРХ

■ **Нина ШАДУРИ**

Сколько их было, героев, стремящихся к невозможному. Яростных и покорных, не сломленных и сломавшихся... Кто-то рвется «в Москву, в Москву!», а кто-то идет «искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок». Один вскочит на подножку трамвая «Желание», а другой будет обреченно дожидаться Годо... И несть им числа.

Но вот написал Жеральд Сиблейрас пьесу «Ветер шумит в тополях», и поставил ее в Вахтанговском Римас Туминас, и пополнились ряды бе-долаг. Теперь трое мужчин и собака вечно-бесконечно смотрят куда-то вдаль и ввысь.

Поверим на слово, что и ветер чудесен, и тополя прекрасны.

Тбилиским зрителям по-счастливилось увидеть этот восхитительный спектакль на Международном фестивале искусств им. М. Туманишвили «GIFT».

Максим Суханов играет в спектакле одного из трех ге-

роев, Фернана. Играет, говоря словами Марка Захарова, «как гениальное животное». От него нельзя оторвать глаз, даже если он отходит куда-то в глубь сцены и не произносит ни слова. Что это – высшая магия или исключительный профессионализм?

– Актеры по-разному работают над ролью. Кто-то – по наитию, кто-то – глубоко изучая материал, вникая в детали... Как работаете вы? Приоткройте дверь в вашу творческую кухню.

– Я не очень люблю открывать дверь в кухню, скажу вам честно. Это лишнее. И знать об этом не нужно... Могу сказать, что мне нравится, когда в спектакле есть личное высказывание режиссера. Чем хорош театр? Всегда существуют новые вводные. Есть режиссер, есть актеры и есть определенные предлагаемые обстоятельства, окружающие нас. А потом будут другие предлагаемые обстоятельства

и другие актеры. И, несмотря на то, что будет тот же режиссер, новый проект с предыдущим будет соотноситься лишь формально. А так – каждый раз все новое. Для меня очень важен режиссер. Его личность. Мне важно соединиться и слиться с концепцией, страхами, комплексами, парадоксами, которые живут в самом режиссере. Мне нужно их очень сильно впитать для того, чтобы начать что-либо ощущать и медленно двигаться к развитию образа. Я не могу один. То есть, наверное, могу, но тогда это можно будет назвать самодеятельностью. Я должен почувствовать режиссера, продраться к нему настолько, насколько я могу это сделать. Только тогда я начну что-то делать, идти в сторону того персонажа, который нам необходим, и к режиссерской фантазии прибавлять свою.

– В заданных режиссером рамках?

– Я не знаю, что такое рамки. Нет, я этого не понимаю. Когда спектакль выйдет, можно разграничить: это – скелет, это – плоть. Но рамки как таковые... Их для меня нет.

Кадр из фильма «Орда»

Максим Суханов в фильме «Викинг»

– Как вы относитесь к режиссерской диктатуре?

– При любой диктатуре, будь она в театре или в жизни, ничего хорошего не получается. И мы это видим наглядно – что происходит в мире, в нашей стране, в вашей стране. Так же и в театре – диктатуры быть не может.

– Но ведь Георгий Товстоногов говорил, что театр – это добровольная диктатура.

– Ну... Я не знаю, какие там были спектакли.

– То есть как это?

– Вот так. Не факт, что они бы мне понравились. И вам тоже. Понимаете? Какие-то, может быть, были и хорошие,

а какие-то – нет. Но дело даже не в этом, а в том, что должна быть дисциплина, должно быть творчество. Если есть воля у режиссера и воля у актера, если есть исследовательский путь, тогда это и получается интересно. А диктатура интересна разве что самому диктатору. Но не актерам... Я репетирую, исследую медленно. Когда начинаю репетировать, чувствую себя инвалидом. И слава богу, что у меня есть право на ошибку. Я часто ошибаюсь в поиске. Но очень рад, что всегда есть исследовательский путь. Как он есть у режиссера, так и у актера. И мы движемся по пути к результату.

– И каков результат, на ваш взгляд, в «Тополях»?

– Если вы прочтаете пьесу, то очень удивитесь. Ее ставить невозможно. Она вся стоит на месте, драматургии очень мало. И недаром мы репетировали ее полгода. Я это произведение рассматриваю не впрямую. Для меня вообще это не три персонажа, а один, который и присутствует на сцене. Один из трех актеров отображает эмоции этого персонажа, другой – его сознание, третий – его бессознательное. Я так к этому отношусь. Не могу не сказать, что все, что происходит в пьесе, в спектакле, не обязательно должно происходить с дряхлыми, подошедшими к концу жизни стариками. К такому жизненному этапу человек может прийти в любом возрасте. Те состояния, которые испытывают все три персонажа, прошедшие войну и искалеченные войной, могут испытывать и молодые люди. Они все время говорят о переходе в новое качество – «подняться наверх». Мы ничего не знаем об этом качестве. Но очевидно, что речь не идет о смерти вообще и о смерти как точке в конце их пути. Их стремление и фантазию по поводу перехода в новое качество я бы назвал главной темой спектакля.

– На мой взгляд, это спектакль о стремлении к недостижимому. Как вам кажется, важно ли для человека подобное стремление, оно стимулирует или расхолаживает?

– Важно. Очень важно. Я считаю, что это и стимулирует, и развивает, и возвышает, и очищает. И установка должна быть именно такой – не вниз, а вверх. Несмотря ни на какой возраст, что бы ни происходило вокруг, какие бы сволочи тебя ни окружали. Ты сам должен все фильтровать и стремиться только к тому, что лучше, возвышеннее и, я бы сказал, экспериментальнее.

ГРИГОРИЙ ЗАСЛАВСКИЙ: «ГИТИС ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРЕКРАСЕН»

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

В ноябре прошлого года ректором Российского института театрального искусства – ГИТИСА стал театральный критик, телеведущий Григорий Анатольевич Заславский.

В 1993 году окончил театроведческий факультет ГИТИСа. Кандидат филологических наук – в 2011-м защитил диссертацию «Трагедия Я.Б. Княжнина «Рослав»: национальный миф о герое-воине и проблемы историзма». Член Комиссии Союза театральных деятелей РФ по критике и театроведению. В 2009 г. выпустил книгу «Москва театральная. Путеводитель». Член Общественного совета Министерства культуры РФ. Лауреат Премии Москвы.

Григорий Заславский отвечает на вопросы корреспондента «РК».

– Григорий Анатольевич, вот уже несколько месяцев

вы – ректор одного из наиболее известных театральных вузов, выпускником которого являетесь. Каким был ГИТИС в годы вашего студенчества? Как он изменился с тех пор?

– ГИТИС был прекрасен, но больше, чем здание, чем буфет – почему-то сегодня, и я сам в этом уже имел возможность убедиться, буфет или столовая значат больше, неизмеримо больше, – вот все это не очень запомнилось, а здание, честно говоря, не очень сильно изменилось, за исключением замечательно отремонтированного после пожара (способствовал, как заметил еще Скалозуб!) третьего режиссерского этажа. Больше всего запомнились люди, некоторые из которых, по счастью, продолжают трудиться в ГИТИСе. Гасан Гусейнов, который нам читал античный театр. Анна Даниловна Ципенюк – она преподавала теорию драмы.

Борис Николаевич Любимов, которого нам удалось уговорить выступить перед нами со специальным курсом «Церковь и театр», и он целый год, неделя за неделей, шел, комментируя церковный календарь, потом, спустя несколько лет он выпустил по итогам этого курса книгу, толстый том, который так и называется, если мне не изменяет память. Конечно, Инна Натановна Соловьева – мастер нашего курса, она вела семинары по критике и это было все – и уроки критики, и уроки жизни, стиля, культуры... Все. Инна Люциановна Вишневская – кажется, только в конце первого курса я узнал, что встречи с нею, с замечательными историями, которые она рассказывала и, слушая которые я от смеха иногда просто вынужден был выходить из аудитории, чтобы чуть-чуть передохнуть, – так вот, только в конце учебного года я осознал, что

эти встречи на самом деле были курсом истории русской драматургии. Алексей Вадимович Бартошевич, Видас Юргевич Силюнас – это и лекции по английскому и испанскому театру, и – семинар по реконструкции спектакля. Михаил Ефимович Швыдкой, Людмила Ефимовна Баженова, Галина Витальевна Макарова, Татьяна Бутрова... Хороших и даже выдающихся не просто ученых-историков театра, но выдающихся людей у нас было, мне кажется, много. Нам повезло. Ну и плюс – параллельно учившиеся «фоменки»! С этой точки зрения ГИТИС по-прежнему прекрасен и совершенно не изменился. В ГИТИСе и сегодня есть, с кем поговорить и кого послушать.

– Расскажите, пожалуйста, о ваших родителях. Как семья повлияла на формирование ваших интересов, склонностей, вкусов?

– У меня замечательные родители. Я их очень люблю. Их уже нет в живых. Мы много ходили в театр – и с мамой, и с папой. Взрослым я узнал, что папа в юности увлекался балетом, посещал все премьеры. И когда папа болел, одна из последних наших размолвок тоже произошла из-за театра. Дочка Ася решила пойти с ним в Большой театр, а он вдруг возмутил-

Григорий Заславский

ся – почему мы за него решили, что он хочет в Большой, а не в Малый... Родители мне очень доверяли, и я сейчас понимаю, что это – их главный педагогический талант, мало за что ругали, и как-то исподволь им удавалось увлечь меня нужными книжками... Сейчас я иногда даже жалею, что за что-то они не считали нужным меня ругать, хотя им совсем было не все равно, и они очень радовались моим успехам и очень переживали, когда меня в школе ругали за какие-то провинности... Когда я пошел в армию, в какой-то момент просто написал какое-то не очень веселое письмо, хотя ничего особо неприятного в армии со мной не происходило: был момент какого-то вдруг остро осознанного одиночества... Папа мгновенно собрался и приехал – из Москвы в Балаково Саратовской области.

– Какие книги, спектакли, фильмы определили ваше становление?

– Из книг – «Приключения барона Мюнхгаузена», «Евгений Онегин», «Преступление и наказание», «Прогулки одинокого мечтателя» Руссо, «Гений» Драйзера, Бродский... Перечислять смешно, если человек читал не одну книгу, а две, например, то влияния оказали обе. Но перечисленные – точно повлияли. Спектакли – больше всего, конечно, «Кроткая» и «Господа Головлевы» Льва Додина. После было еще много замечательных и даже выдающихся спектаклей, но эти, наверное, точно соответствуют вопросу – определили становление. Фильмов очень много было, но я назыву, как ни странно, не «8 S» Феллини, а «Премия», где очень интересные актерские работы. И в детстве я мог смотреть ее бесконечно, а картину эту часто показывали по учебному каналу с субтитрами. «Репетиция оркестра», кстати, если говорить о Феллини.

– Вы поступили на театро-

ведческий после армии, до армии собирались связать свою жизнь с медициной. Когда произошел перелом, резко изменивший вашу судьбу?

– Ну, театр я любил всегда, вернувшись из школы, я быстро обедал и часто – бежал в «Современник», это было недалеко, и вставал первым в очередь на бронь. Так посмотрел все спектакли. Но мама очень хотела, чтобы я поступил в медицинский. Я поступил. После второго курса меня забрали в армию, тогда забирали всех, была какая-то глубокая демографическая яма, а после армии меня как-то «взял в руки» мой друг Дима Бертман, он уже оканчивал ГИТИС, и сказал: сейчас или никогда. Потом были консультации у Александра Аркадьевича Шереля и Александра Петровича Свободина. Они меня как-то тоже поддержали, за что я им очень благодарен и никогда не забуду их такой важной поддержки – и тогда, и потом.

– Какие принципиально новые проекты удалось внедрить за несколько месяцев вашего ректорства? С какими сложностями, может быть, противодействием пришлось столкнуться? Какие изменения, на ваш взгляд, должны обязательно произойти в ГИТИСе? Какие проблемы переживает это учебное заведение?

– На эту тему я могу говорить, наверное, не один час. Тут много вопросов. Некоторые требуют очень подробных и пространных ответов. Принципиально нового, я считаю, ничего делать не надо. Нужны постепенные перемены. Но дальше получается то, что мне кажется постепенными переменами, для других – синоним мирового катаклизма, конца света. Значит, надо объяснять, что к чему и зачем. Стараюсь так и делать. Удалось уже что-то сделать. Например, вот стипендии, которые учреждают знаменитые выпускники ГИТИСа. Таких стипендий уже почти

Здание ГИТИСа

пятьдесят, а первые появились в конце октября. «Квартет И», Игорь Угольников, Сати Спивакова, Марк Захаров, Борис Юхананов, Владимир Винокур, Лев Лещенко, Максим Виторган, Евдокия Германова, Наташа Королева... Честно говорю: мне стыдно кого-то не называть. Леонид Роберман, известный продюсер, взялся оплачивать обучение одного режиссера. Андрей Воробьев, губернатор Подмосковья, согласился оплатить обучение замечательного, очень талантливого мальчика из Подольска. Я всем кланяюсь! А изменения... ГИТИС должен войти в пятерку лучших театральных школ мира, он и сейчас один из лучших, но очень важно, чтобы в авторитетных рейтингах это наше почетное место было всеми признано. Для этого будем развивать бренд – и снаружи, и внутри.

– В связи с объединением продюсерского и театроведческого факультетов ГИТИСа были активные протесты сту-

денчества. Что происходит сегодня?

– Да, такое было, сейчас, мне кажется, благодаря компромиссу, принятому на мартовском заседании Ученого совета, страсти успокоились, но сами страсти и протесты, я в этом уверен, были результатом не столько плохой информированности, сколько, простите, по-моему, и нежелания части протестующих поверить в очевидное: существуют образовательные стандарты, специальности, которые остаются неизменными. У ГИТИСа есть госзадание, нам перечисляют немалые деньги на обучение определенного числа студентов по всем лицензированным направлениям. Я всем сомневающимся привожу пример: было объявлено об объединении театроведческого и продюсерского факультетов и начались бурные протесты, а потом полтора месяца у театроведов – из-за болезни преподавателя – не было лекций по истории русского театра, а потом перенесли и зачеты с экзаменами. Ни одного протеста

или хотя бы вопроса по этому поводу не было! Это – еще ответ и тем, кто искренне уверен в стихийности студенческих протестов: не бывает такого, чтобы в одном случае студенты активно протестовали, когда не раз и не два студентам сказали, что на обучении никак объединение не скажется, наоборот – появятся новые возможности, а в другом – тишь да благодать, хотя ущерб для студентов был совершенно явным и чувствительным.

– Недавно между ГИТИСом (Российским университетом театрального искусства) и нашими соседями – Ереванским театральным вузом был заключен договор. Как это произошло? Что предусматривает соглашение?

– ГИТИС сейчас ведет активную международную деятельность – и в части заключения двусторонних отношений с уважаемыми мировыми театральными школами, и по линии Россотрудничества, за что им – отдельное спасибо. Ереван для

меня – вторая международная поездка на посту ректора, первая была в Шанхай, но между этими поездками были заключены договоры с Дели, Мадридом, Астаной, проведены переговоры со многими другими театральными школами, хотя важно заметить, что у ГИТИСа и до меня были хорошие зарубежные связи по самым разным направлениям. Соглашение предусматривает обмены и студентами, и преподавателями, надеюсь, ко взаимному удовольствию и пользе.

Мы, то есть я, декан театроведческого факультета Владимир Байчер и трое наших студентов уже побывали в Ереване и кое-что даже успели показать и рассказать. Нам очень понравилось, по-моему – всем, теперь в конце марта мы ждем в гости студентов и их мастера из Еревана, это будет наш традиционный фестиваль, посвященный самостоятельным режиссерским работам, после чего студенты еще на несколько дней задержатся в Москве и побывают на разных занятиях в ГИТИСе.

– Наверное, такое соглашение невозможно между ГИТИСом и нашим университетом театра и кино имени Ш. Руставели, учитывая отсутствие дипломатических отношений между двумя странами?

– Такой договор очень даже возможен, и дипотношения тут ни при чем...

– Назовите, пожалуйста, основные проблемы сегодняшнего театроведения и театральной критики.

– Самая главная проблема, по-моему, – плохое знание театра, истории театра, что позволяет радоваться и возносить на пьедестал вещи очень вторичные, причем оригиналы можно увидеть часто в Москве же, на соседней улице, и оригиналы явно ярче списков. С театроведением, с одной стороны, даже лучше. Тут я согласен с Инной Натановной Соловьевой, которая отмечает, что и книги хоро-

шие выходят, причем – много хороших книг, кстати, ее книга о МХАТе 2-м – конечно, в этом списке побед, но рядом – выдающаяся, на мой взгляд, книга Риммы Кречетовой о Станиславском в серии «ЖЗЛ», книга Наталии Якубовой о театре Восточной Европы. Выходит сильный, а при Вере Анатольевне Максимовой – еще и остро-полемичный, одновременно и научный, и злободневный журнал «Вопросы театра». Есть что почитать, короче говоря. С критикой – хуже. Каждый дует в свою дуду, при этом серьезность профессиональных критериев размыта под натиском того, что одна моя коллега точно назвала террором среды. Это – страшная беда нашей критики, где какие-то очень важные основополагающие принципы профессии, подразумевающей независимую экспертизу, размыты совершенно. Можно быть куратором фестиваля и даже входить в число руководителей театра и продолжать раздавать «пинки» и «зуботычины» другим, агрессивно затыкая рты тем, кому кажется возможным критиковать спектакли «его» театра. Беда, одним словом.

– Свою первую рецензию Вы опубликовали в «Московском комсомольце». На какой спектакль? Чему вы научились у Инны Соловьевой?

– Это была статья о спектакле «Творческих мастерских» – одном из самых интересных коллективных начинаний конца 80-х - начала 90-х, где стартовала жизнь в искусстве Владимира Мирзоева, Александра Пономарева, Клима, Владимира Космачевского, Александра Горбаня, но там же находили пристанище и оказавшиеся вдруг бездомными спектакли Романа Виктюка, кого-то еще из уже признанных и даже великих. Там, например, был поэтический спектакль, в котором на сцену выходили одновременно и Дмитрий Пригов, и Лев Рубинштейн, и Виктор Коваль... А первая опубликованная статья была на спектакль Александра Пономарева «На-

стоящее» по поэмам Велимира Хлебникова. Об уроках Инны Натановны Соловьевой можно написать, наверное, книгу. Но если коротко – серьезному отношению к профессии, вообще к профессии и к слову – в частности.

– Расскажите, пожалуйста, о своем опыте создания театра «Геликон-опера». Почему оставили это дело?

– Ну, моя роль была достаточно скромной. Я свел Дмитрия Бертмана, с которым мы дружим с детства и у которого к тому времени фактически уже был готовый театр, – я свел его с отцом моего одноклассника, который первые же «лишние» кооперативные деньги решил потратить на поддержку театра. Я их познакомил, Александру Юзефовичу Пашковскому – так звали нашего мецената – очень понравились уже почти готовые сцены из оперы «Мавра», вечером мы собрались втроем, расписали зарплаты – отталкивались от тех, которые тогда не очень регулярно платили в Большом театре, а утром следующего дня он приехал, открыл черный дипломат и раздал первые зарплаты. Такая вот немного сказочная история. Дима Бертман придумал мне название, известное ему по крупным зарубежным театрам,

Со студентами ГИТИСа

Григорий Заславский и Инна Безирганова

– генеральный менеджер. На первых афишах так и было написано, но я все-таки довольно быстро исправил это на завлита, а вскоре – ушел из театра. Причин было несколько, будем считать, что главная – я не музыкальный критик, хотя в оперу хожу с детства.

– Ваши наиболее сильные театральные впечатления последнего времени. Какие тенденции развития сегодняшнего театра – российского, мирового – Вы могли бы отметить?

– Когда театр становится модным, у этого процесса есть очевидные и плюсы, и минусы. В зале появляется много публики, которую Островский называл свежей. Их легко убедить в том, что модное – синоним хорошего и талантливого, хотя это не всегда так. И меньше – тех, кто способен оценить нюансы, полутона, собственно – новизну или верность тем или другим традициям. Когда-то в Большом зале консерватории было много тех, кто при выходе дирижера раскрывал и клал на колени ноты и «проверял» эти самые нюансы. Сегодня и в Большом зале таких почти нет. А про сильные впечатления – видел, как играет

Михаил Ефремов в спектакле «Амстердам» в «Современнике». Потрясающая органика, способная, такое впечатление, оправдать все, что угодно. Что касается актерской игры, то я бы сказал также и про очень интересное существование в ленкомовском «Князе» Александра Збруева. Из спектаклей – мне очень понравился новый спектакль Олега Глушкова в ГИТИСе на курсе Сергея Васильевича Женовача, очень элегантная и остроумная пародия на все споры последнего времени о постдраматическом театре. Разобрались за час двадцать.

– Традиции и новаторство. Как относитесь к экспериментам в театре?

– Конечно, хорошо отношусь. Другое дело, интересны эксперименты, которые проводят те, кто знает, что с чем он соединяет и чего бы хотелось получить. Это не гарантирует удачи, но все-таки, согласитесь, странно было бы с уважением относиться к химическим опытам, которые проделывают те, кто не в курсе, что с чем можно соединить и какие возможны последствия. Но без экспериментов театр, конечно, жить не сможет, а для любого большо-

го режиссера или актера каждый спектакль и даже каждое новое представление – всегда эксперимент. Ну, еще немного, и я начну изрекать сплошные банальности, простите. Нет никакого исключительного традиционализма. Как нет и не может быть новаторства на голой земле. Новаторство интересно, когда отталкивается от глубокого знания традиции, а традиция засохнет без обновления. Очень быстро.

– Какой должна быть театральная критика? Какими качествами должен обладать театральный критик? Смелостью, принципиальностью? Или важнее, в первую очередь, способность анализировать спектакль и умение владеть словом? Что Вы прежде всего стараетесь воспитать в Ваших студентах?

– Способность анализировать спектакль и умение владеть словом очень важны, но без смелости и принципиальности тоже никуда. Самое страшное для критической «массы» – это круговая порука, порой приобретающая совершенно криминальные формы. Не буквально, конечно, но, простите, травля, устроенная после статьи Веры Анатольевны Максимовой, с публичными и коллективными письмами, я в этом уверен, ускорили кончину выдающегося театрального критика.

– На вас навалились административные обязанности. Не страдает ли от этого Ваше творчество, связанное с работой в прессе и на телевидении? Успеваете ли Вы смотреть новые спектакли?

– Ну, я так громко не называл никогда это творчеством, все-таки театральная критика – занятие прикладное. Смотреть спектакли не успеваю, к сожалению. Писать о них – тоже. Но это не значит, что моя новая работа в ГИТИСе мне не нравится. Она очень интересная.

Мачерата, Италия

НАУКА СТРАДАЕТ, НО НЕ ПРОПАДЕТ

■ **Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ**

Невозможно забыть, как приветствовал филологов-первокурсников Дмитрий Чантуришвили, выдающийся грузинский лингвист: «Вы выбрали самую прекрасную профессию в мире. Нет большего счастья, чем занятия филологией».

Мне выпала удача поговорить с ученым, который относится к своему делу именно так – с радостью и восхищением. В Тбилиси побывал профессор кафедры гуманитарных наук Государственного университета г. Мачерата (Италия), доктор филологии Витторио Томеллери.

– По какому поводу вы приехали в Тбилиси?

– Приехал, потому что соскучился. Не был здесь 12 лет. Впервые я побывал в Грузии в 2002 году. В то время я получил стипендию фонда DAAD – Германской службы академических обменов. Фонд предлагал стипендии тем, кто намерен заниматься странами Восточной Европы и Советского Союза, а я тогда как раз работал

в Германии. Я приехал в Грузию, прошел курсы грузинского языка в Школе картвелологии Тбилисского университета, которой руководит академик Элгуджа Хинтибидзе. Одновременно сидел в библиотеке и искал материалы для своей научной работы.

– Какой темой занимались?

– Изучением категорий глагольного вида в грузинском языке в сопоставлении с русским и осетинским языками. Снова приехал спустя два года, в августе-сентябре 2004 года. Как раз во время трагических событий в Беслане. Мой приезд был связан с изучением осетинского языка, который я учил одновременно с грузинским. Моей мечтой было сопоставить грузинский и осетинский не только в лингвистическом плане, но и в культурном, то есть рассмотреть вопрос взаимоотношений между двумя народами. Я хотел пожить и поработать в Цхинвали, наблюдая за тем, как живут люди. Но... Слу-

чилась война. Это большая трагедия для Грузии, для региона, для обоих народов. И для меня лично тоже, потому что я понял, что не смогу осуществить свой научный проект.

– Вы сказали, что соскучились. Это лирическое преувеличение?

– Не совсем. Просто решил, что пора. Я так долго не занимался конкретно грузинским языком, грузинской культурой. Но, хотя физически я здесь не находился, мои контакты с Грузией не прерывались. У меня тесные связи и в научном, и в человеческом отношении. В 2010 году в моем родном городе Мачерата я вместе с коллегой Мананой Топадзе организовал Международную конференцию по кавказским языкам «Current advances in Caucasian studies». К нам приехало много грузинских коллег из ТГУ и Института языкознания. Спустя два года вышел большой том материалов конференции. И вот теперь я оживляю свои контакты. По счастливому совпа-

Витторио Томеллери

дению я приехал тогда, когда в Тбилиси проходили крупные научные встречи, в том числе, Международный симпозиум картвелологии, и я встретил много знакомых.

– Мне легко представить, что молодой человек, живя в Грузии, мечтает заниматься культурой Италии. Но затрудняюсь вообразить итальянского студента, который хочет выбрать сферой своих интересов Грузию или Осетию. Что вас на это сподвигло?

– Важным ключом для такого интереса является русский язык, русская литература, откуда можно узнать о культурах, народах, о которых в Италии мало что известно. Советский Союз итальянцы называли Россией. А ведь это неправильно. Другой важный момент: я несколько лет работал в Германии, в Бонне, где тогда был (к сожалению, надо говорить в прошедшем времени) крупный Институт языкознания, которым руководил профессор Шмидт, большой ученый широкого профиля и гуманист. Картвелолог, он часто приезжал в Грузию. В институте была прекрасная библиотека с большим фондом

грузинских грамматик, словарей, вообще – по всем кавказским языкам. Я часто бывал в этом институте, там работали мои друзья, они и привлекли мое внимание к этой сфере.

– И к чему именно у вас возник интерес?

– К грузинскому и осетинскому языкам одновременно. Это стало, можно сказать, моей второй жизнью, ведь в Италии я преподаю славянскую филологию, славянские языки, русский язык. Я начал изучать грузинский и осетинский исходя из того, что в них есть определенные грамматические аспекты, которые интересно изучать в сопоставлении с русским языком. Я не буду вдаваться в подробности этой сложной научной проблемы. Могу сказать таким образом: в русском, грузинском и осетинском языках очень развита система превербов, которые обозначают совершенство действия. Я написал ряд работ в типологическом плане на итальянском и английском. В России нашлись ученые, заинтересовавшиеся моим подходом к анализу типологических характеристик языков и продолжившие исследования в этом направлении. Всегда приятно, когда твои труды вдохновляют других. Значит, они интересны. В соавторстве с доктором филологических наук, профессором Натальей Орловской и филологом, кавказоведом Нинель Мелкадзе я написал две статьи. Они опубликованы на итальянском языке в сборниках материалов двух конференций, в которых я лично принимал участие, конечно, представив своих соавторов. Эти работы исследуют деятельность итальянских миссионеров в Западной Грузии в XVII веке, что, как известно, отражено в первых печатных изданиях на грузинском языке, вышедших в 1629 году в Риме при участии посла грузинского царя при дворе Папы Римского Никифора Ирбаха. Это были «Грузинско-итальянский словарь»

и «Грузинская азбука с молитвами». Я обработал материал, который частично уже был опубликован Натальей Орловской, и добавил более актуальную библиографию. Готовится к печати наша третья статья, посвященная восприятию стихотворений Джакомо Леопарди в Грузии. К сожалению, Наталья Константиновна скончалась, но она успела прислать мне свой материал, и я надеюсь, что эта статья вскоре будет опубликована.

– Профессор Луиджи Магаротто в беседе с «Русским клубом» заметил, что Леопарди в переводах теряет свое величие. Как, кстати, и Пушкин.

– Это действительно большая проблема. Я столкнулся с ней, когда переводил стихотворения Коста Хетагурова. Конечно, поэзию надо воспринимать в оригинале. Любой перевод обедняет первоисточник. Речь ведь идет не только о содержании, но и о звучании, мелодике, многих других аспектах. Может быть, только настоящий поэт способен достичь в переводе высоты оригинала. Например, Ахматова переводила очень много – и с итальянского, и с осетинского. Это было вынужденное занятие, она этим зарабатывала. Несмотря на то, что она не любила заниматься переводами, выполняла она их великолепно. На основе подстрочников она сумела создать такие поэтические тексты, которые, правда, не в полной мере соответствуют содержанию оригинала, но безупречны с художественной точки зрения. Интересно, что она соблюдала ритм оригинала, количество слогов. Это просто удивительно. И получается, что тексты, которые частично раскритикованы осетинами, потому что там утрачены некоторые смысловые моменты, являются образцами мастерства.

Что касается произведений Хетагурова, то его «Осетинская лира», на мой взгляд, это шедевр. Я думаю, что итальянско-

В студенческой аудитории

му читателю было бы интересно узнать о трагической истории жизни кавказских народов XIX – начала XX века. Поэтому я делаю не поэтический, а дословный перевод. Вместе с моим учеником мы перевели почти все осетинские стихотворения Хетагурова. Это будет подстрочник с комментариями. А потом надо будет отыскать поэта, который согласится превратить подстрочник в поэтическое произведение.

– Кто станет читателем вашего труда?

– Думаю, что в виде подстрочника у него большого круга читателей не будет. Это может быть интересно для тех, кто специально занимается осетинской культурой. Таких людей очень мало. Но когда появится поэтический текст, заинтересуются и другие читатели.

– Я процитирую еще одного картвелолога, Бернара Утье. Он сокрушался, что в науку идет очень мало молодежи, что наука приносится в жертву другим интересам. Какое место сегодня занимает наука в общественной жизни, есть ли у нее будущее?

– Я могу только подтвердить слова коллеги Утье. В последние годы обнаружилась тенденция к уничтожению такого представления об ученом, которое всегда было для меня образцом: писать работы, заниматься наукой и развивать свою область. В университете учится много студентов, но они хотят просто окончить учебное заведение и получить диплом, чтобы потом устроиться на работу. Интереса к науке нет. Научная работа – очень сложное дело. Богатства не приносит. Перспектив мало. И многие считают, что этим заниматься не стоит.

– Как объяснить молодежи, что наука – двигатель прогресса, гарантия завтрашнего дня человека разумного? Какие слова подобрать?

– Хороший вопрос. Недавно одна моя студентка в конце курса по славянской филологии сказала: я заметила, вам нравится то, что вы делаете. Она была удивлена, что я с удовольствием занимаюсь такими сложными вопросами. Предмет ей, наверное, не очень понравился, а вот мое отношение к работе – привлекло. Я всегда

стараюсь показать, что в науке и в любой деятельности надо быть честным и любить свою работу. В других видах деятельности самое главное – результат. В науке – процесс. Процесс обучения, процесс изучения. Результата в принципе нет, есть только развитие. А в современном обществе все сосредоточено на результате. Наука страдает, но она не пропадет. Будут пропадать ученые. Я иногда сравниваю современную ситуацию в капиталистических странах с ситуацией в Советском Союзе, когда большевики решили уничтожить буржуазную науку. Очень похоже. Только средства используются другие. Люди уничтожаются не физически, а морально. Когда человек много лет учится, занимается, а в итоге не получает работу – это катастрофа. Я лично знаю очень хороших ученых, которые решили поменять сферу своей деятельности и бросили науку.

– Быть ученым – призвание или этому можно научить?

– Если говорить на моем примере, то я просто всегда с большим удовольствием изучал языки. В классической гимназии мне очень нравились латинский

Languages and Cultures in
the Caucasus

Papers from the International Conference
"Current Advances in Caucasian Studies"
Macerata, January 21-23, 2010

Edited by
Vittorio Springhetti Tomasoni, Mariana Topadze,
Anna Lukianovna
with the collaboration of Oleg Raimjanov

SLCCEE

и греческий. А что касается научной деятельности, то, может быть, все-таки нужен определенный образец, чтобы человек осознал свое призвание. Это как вера. Вера нуждается в помощи, в определенном подтверждении. И наука тоже. Человеку, который занимается наукой, необходима поддержка со стороны. Иначе он превратится в аскета, отшельника.

– А как вас воспитывали? Был ли у вас образец?

– У меня традиционная семья. Мама ухаживала за детьми, вела дом, а отец зарабатывал деньги. Он своим примером показывал, как важна работа. Отец, кстати, до сих пор работает. И отец, и бабушка для меня – это и есть для меня образец того, как серьезно надо заниматься своим делом, любить и уважать его.

– Семья, в вашем понимании, должна быть патриархальной?

– В современном обществе такая семья уже не является хорошим примером. Большинство современных женщин от-

казывается от такой модели, и они, возможно, правы. С другой стороны, это была модель, которая хорошо функционировала. В моей семье я, по моему, очень либерален. А вот моя жена считает, что я патриархален. Она, конечно, заметила, что внутри у меня сохранились именно те представления о семье, которые я усвоил еще ребенком. Мне кажется, что мы с женой спорим потому, что у нас разное понимание того, как надо воспитывать детей. А в моей семье этого не было, потому что отец не занимался нашим воспитанием непосредственно. Когда воспитывают оба, и у них разные мнения, то потом ребенок начинает манипулировать этим – занимает то мамину, то папину сторону.

– А в чем вы расходитесь в вопросах воспитания с супругой?

– Моя жена – немка...

– Союз немки и итальянца?!

– Да, это разные культуры, разное мировосприятие. В Германии дети покидают дом, когда им исполняется 18 лет. Закончив школу, стараются поступить в университет другого города, чтобы уехать. И начинают собственную жизнь. С одной стороны, это неплохо. Человек осознает свои обязанности, чувствует ответственность. С другой стороны, разрыв с родителями – это не очень-то и хорошо. Я, например, довольно долго жил в отчем доме.

– Как вы воспитываете детей?

– Объясню на примере. Я очень увлекаюсь музыкой. Играю на фортепиано Баха, Моцарта, Бетховена, Шопена, джазовые импровизации. Вообще не люблю тишину, и музыка звучит всегда. В результате моя старшая дочь София полюбила джаз и стала джазовым музыкантом. Сначала играла на фортепиано, потом перешла на саксофон. Ей было

тогда 14-15 лет. Вообще-то на саксофоне играет мой отец, но мы живем далеко друг от друга и видимся не часто. Выбор дочери – это призвание, о котором мы говорили, и семейные обстоятельства, которые повлияли благотворным образом. Хотя, справедливости ради, надо признать, что младшая дочь Офелия терпеть не может джаз, любит современную музыку, в отличие от меня.

– Требуете ли вы от своих детей успехов в учебе?

– Я преподаватель и отлично понимаю, что если у человека нет желания хорошо учиться, то и смысла нет вести с ним разговоры на эту тему. Я не верю в педагогику. Хороший преподаватель, конечно, помогает, но только при условии, что ученик берет то, что ему дают. Я не пытался заставлять моих дочерей хорошо учиться. Мне было важно, чтобы они сами поняли: это в их интересах. Учиться надо не для родителей, а для себя.

– Одни и те же проблемы у родителей в разных странах!

– Это вообще интересный вопрос. Помню, мой дедушка ворчал – вот когда я учился, все было по-другому, все было хорошо, а сейчас все плохо! А теперь я и сам начал говорить, что раньше все было лучше. Это значит, что я старею. Но дело в том, что у меня действительно есть ощущение, что мы учились лучше. Но ведь такого не может быть – чтобы уровень все время падал. Видимо, просто появляются другие потребности, другие способности. В педагогике это большая проблема. Я работаю с молодыми людьми – до 20-ти лет. Коммуникация действительно сложна, порой кажется, что мы говорим на разных языках. Думаю, что мой образ жизни не является для них интересным – я провожу время, сидя в библиотеке. А они обращаются к интернету, и наша библиотека почти всегда пуста. Я недавно

Дочь София с дедушкой на Международном джазовом фестивале

был в Германии. Там в библиотеке сидели студенты, но все – за компьютерами. Перед ними лежали бумаги, тетради, но не книги. Книга уже не является источником знания, если она не оцифрована. Наверное, нам надо искать новую форму передачи знаний следующим поколениям. Книга для этого уже не годится. Сегодня книга – то же самое, чем раньше была рукопись.

– Как сегодня в Италии относятся к серьезному ученому?

– В восприятии общества классический ученый – человек, который отличается от нормального. Это больно. И тут возникает вопрос: какова функция ученого в современном обществе? Он должен влиять на политику, на общественность или просто заниматься своими делами?

– И каков ответ?

– Если ученый занимается своими делами, не касаясь современной жизни, а он имеет на это право, то никто его не будет уважать и воспринимать всерьез, кроме таких же ученых, как он сам. Я могу привести интересный пример, который касается и Грузии. Николай Яковлевич Марр. Он, помимо научных, обладал не-

заурядными организаторскими талантами, создал много институтов, занимал главные позиции в различных структурах. Это именно то, что лично меня не привлекает. Я человек кабинетный. Но понимаю, что для такого ученого нет места в современном обществе. Это неактуальная фигура. Ученый, который занимается биологией или медициной, может быть полезен благодаря своим научным открытиям. Практическое значение деятельности в филологической области можно найти в преподавании языков. То есть ученый может заниматься лингвистикой, составить учебник, в котором применит свою теорию – получается прикладная лингвистика. А если ты занимаешься средневековьем, гимнографией, литургическими текстами, все гораздо сложнее.

– Можно ли доказать обществу, что, например, обнаружить и исследовать древние рукописи – это важно?

– Доказать важность науки тем, кто ее не любит, не ценит, невозможно. Мне студенты часто задают вопрос: зачем это надо? Зачем изучать церковнославянский, древнерусский язык? Я пытаюсь объяснить современные явления, исходя из

прошлого. Но студенты не хотят слышать такой ответ – получается слишком сложно. И тогда я сам задаю им вопросы – если наука не нужна, то, может, не нужна и политика? Но тогда не нужна и сама жизнь.

– Каким вы видите будущее ваших дочерей?

– Офелия – школьница. София окончила консерваторию в Милане, затем поступила в Институт джазовой музыки в Мюнхене, а сейчас учится во Франции по программе студенческого обмена «Эразмус». В Германии ей не понравилось. Франция больше пришлась по душе. Но вообще она считает, что лучше всего – в Италии. И люди более открыты, и еда вкуснее, и погода лучше.

– И все-таки, каков завтрашний день славистики?

– Я вспомнил один случай. В Вильнюсе, где я принимал участие в международной научной конференции, журналист задал мне очень странный вопрос: какое будущее у церковнославянского языка в современном обществе? Я так растерялся, что даже не помню, что ответил. Зато мои коллеги очень развеселились и немедленно прозвали меня последним носителем церковнославянского языка.

Давид Маградзе

ДРУЖБА КАК ПОВОД СОЗДАВАТЬ КНИГИ

■ НИНО ЦИТЛАНДЗЕ

В живописном уголке Грузии – селении Цинандали, в Доме-музее Александра Чавчавадзе прошла презентация одной уникальной книги.

«Триумфальная арка в игольном ушке». Так необычно назвали свою книгу два замечательных творца – грузинский поэт Дато Маградзе и российский художник Анатолий Белкин.

А началась вся история в Санкт-Петербурге.

«Когда речь идет о настоящем творчестве, ты понимаешь, как не просто оно рождается. Идея книги, которую я с большим удовольствием поддержал, возникла у нас за столом, с рюмкой чачи Асканели в руках. Я счастлив, что живу в то же время, что и двое этих больших, парадоксальных художника, каждый из которых в своей профессии достиг признания множества людей в разных странах мира – Анатолий Белкин и Дато Маградзе. Мне повезло больше чем другим, потому что

оба они являются моими близкими друзьями! Уверен, ничего лучшего мы не сможем оставить для следующего поколения, чем настоящее искусство, которое с годами становится ценнее и ценнее».

Таковыми словами открывает книгу Гоча Чхаидзе – меценат, активист грузинской диаспоры в Петербурге, президент винодельческой компании «Братья Асканели» и, по определению друзей, «амбассадор грузинской кухни, культуры и веселья».

Сидя за столом в гостеприимном питерском ресторане «Тархун», трое друзей решили создать новый проект. «Триумфальная арка в иголь-

ном ушке» – сборник стихов Дато Маградзе, оформленная Анатолием Белкиным.

Вернее, не совсем так. Как отметил на презентации сам художник, в начале прошлого века существовала замечательная традиция, когда поэты и художники вместе создавали книжки небольшого формата. И в сотрудничестве все были равноценны, а главной выступала сама книга, которая представляла собой единый организм. Всего напечатано 99 экземпляров сборника – 50 на грузинском, и 49 на русском. Поэтому каждый из них на вес золота.

Первую книгу авторы подарили маленькому Илье – сыну Гочи Чхаидзе и его супруги, блистательной балерины Ирмы Ниорадзе с такой надписью «Илюшеньке и его именитым родителям с самыми теплыми пожеланиями».

Перевел книгу талантливый переводчик Николай Гой. Он очень тонко прочувствовал мелодику грузинского текста, сохранил его легкость и на русском, ведь на грузинском стихи Дато Маградзе плетутся как тончайшее кружево.

Еще одна книга была передана в дар самому музею. Ведь Цинандали для русско-грузинских отношений – символическое место.

Усадьба семейства Чавчавадзе превратилась в центр интеллектуальной жизни Грузии XIX века, где собирались люди культуры и искусства, общественные деятели. Сюда приезжали погостить Михаил Лермонтов, поэт-декабрист Александр Одоевский и французский писатель Александр Дюма-старший.

В этих стенах, которые помнят столько и столько, было решено презентовать книгу как пример русско-грузинского культурного сотворчества.

Дато Маградзе – поэт с большой буквы, автор многих поэтических сборников, лауреат множества отечественных и зарубежных литературных премий, автор текста гимна Грузии.

Анатолий Белкин – художник с непростой судьбой, участник первых в Ленинграде официальных выставок «неофициального искусства» в ДК «Газа» в 1974 году и в ДК «Невский» 1975. С 1999 по 2005 занимал пост главного редактора первого петербургского глянцевого журнала «Собака.ru», давно ставшего культовым. Выставлялся в Государственном Эрмитаже, Центре конгрессов Адриано Оливетти «Даманур креа», Видракко, Италия, галерее Kura Maralt в Берлине, галерее Werdermann Art в Гамбурге, галерее Цезар в шведском Гетеборге, галерее «Ле Вью Манор» в Париже, в лондонской «Лелеко Арт»,

галерее «Нахамкин» в Нью-Йорке и многих других. Работы Белкина хранятся в собраниях Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, Государственном театральном музее в Санкт-Петербурге, амстердамском Стедлик музееме, Институте Восточной Европы в немецком Бохуме, Циммерли арт музееме Нью-Джерси, Музее русского искусства во французском Монжерон и др.

А следующая презентация состоится уже в Петербурге, в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

Рубен Мамулян с Гарри Кпером на съемках «Городских улиц». 1931

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Как известно, за право называться родиной Гомера спорили семь греческих городов. В Тбилиси всего два претендента на звание родного района одного из основателей Голливуда, режиссера-новатора мирового кино, реформатора американских оперы и мюзикла. Но от этого не менее горячи споры жителей грузинской столицы о том, где именно прошли детство и юность человека, ставшего создателем нового языка в мировом киноискусстве и фильмов, в которых блистали Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Морис Шевалье, Фред Астер, Гарри Купер и Фредерик Марч. А еще – первым постановщиком многих пьес лауреата Нобелевской и Пулитцеровской премий Юджина О’Нила и оперы «Порги и Бесс» Джорджа Гершвина. Звали этого тбилисца Рубен Мамулян

Дом номер 13 на Санкт-Петербургской лице украшает мемориальная доска, на гру-

зинском, армянском и английском извещающая, что здесь родился и прожил двадцать три года он, «известный режиссер театра и кино». Такая оценка деятельности Мамуляна явно занижена, поэтому к этой формулировке мы еще вернемся. Но главное не в ней, а в том, что в совсем другом конце города, в старинном районе Соллаки все убеждены: именно тут мальчик Рубик рос и ходил в Манташевское торговое училище (впоследствии знаменитую 43-ю школу). Любой житель этого района покажет вам двор номер 42 на бывшей Бебутовской (ныне – Ладо Асатиани) улице, в котором и сейчас стоит особняк купца Егора Калантарова – отца матери будущего режиссера. Вполне возможно, что мальчик не только бывал здесь у дедушки, но и жил в его особняке, а не только на Санкт-Петербургской, в доме родителей, до сих пор увенчанном фамильным вензелем.

Как бы то ни было, бесспорно одно: 8 октября 1897 года у отставного полковника, владельца банка Захария Мамуляна и его жены Вергине, актрисы Народного театра, главы Армянского драматического общества, рождается сын Рубен. Крестят его в церкви Святого Григория Просветителя в селе Мухрани. Там, недалеко от Тифлиса – летний дом Мамулянов. Семья славится в Тифлисе меценатством и гостеприимством, банкир спонсирует многие спектакли, и не случайно среди его многочисленных гостей – драматург Габриэл Сундукян, актеры Ольга Книппер и Василий Качалов, другие знаменитости театрального мира. Но, похоже, в повседневном быту главное лицо в этой семье – бабушка Екатерина, по-тифлисски «бабо Като». «Мой отец был известен как сын бабо Като, мать, как невестка, я – как внук. Вечерами, почти ежедневно, все соби-

Рубен Мамулян в молодости

рались у нее, чтобы слушать ее прекрасные истории, каждая из которых строилась на идее, которая оставалась с тобой навсегда. Это был своеобразный духовный витамин, который мы получали от бабо Като. Впоследствии я часто размышлял над теми вопросами, которые она упоминала. Ее рассказы, как семя, прорастали во мне», – признается спустя десятилетия знаменитый режиссер Мамулян.

Отец мечтает, что Рубен станет инженером, но тот к точным наукам не склонен, к тому же его приворожил мир театра. Поняв, что «технаря» из него не получится, на семейном совете решают дать ему юридическое образование (юристы той поры не менее уважаемы, чем инженеры и так же крепко стоят на ногах). Так что, парень поступает в Московский университет. Но целиком уйти в изучение юриспруденции не удастся, романтика театра настаивает и здесь – в университете появляется объявление: «Господ студентов, интересующихся театром, приглашают посещать вечерние классы в Московском Художественном театре у Евгения Вахтангова». Это, как говорится, предложе-

ние, от которого невозможно отказаться. И студент юрфака становится одним из самых прилежных учеников Вахтанговской студии.

Однако послереволюционная Москва – не самое приятное место для жизни, и Рубен возвращается на родину. Поначалу свою любовь к театральным подмосткам он выражает в журналистике – в армянской газете «Мшак» и в русском «Слове» печатает рецензии на спектакли, статьи о театре и литературе. Под псевдонимом «Рума» публикует более двадцати таких материалов, и они настолько профессиональны, что в одной из самых читаемых газет ему предлагают штатное место театрального критика. О той поре он вспоминал: «Поскольку мне только что исполнилось 20 лет, решил, что будет лучше подписываться псевдонимом... И целый год (с марта 1919 по апрель 1920 года) я писал критические статьи об армянских театральных постановках. Когда выяснилось, кто скрывается за этим «Рума», я бросил это занятие. Те актеры и актрисы, которые принимали меня за ребенка и при встрече трепали мне волосы, вскоре поняли, что я знаю то же, что знают они».

Затем – шаг от теории к практике: вместе с двумя друзьями Рубен организует в Тифлисе театральную студию. Одному из этих друзей, Левону Калантару, предстоит стать народным артистом Армянской ССР, главным режиссером различных театров в Ереване и Баку... А помимо дел театральных Рубен начинать еще и стихи писать. Причем в такой сложной форме, как акростих. Посвящены они первой большой любви Рубена – Вардануш Сарьян. Она выйдет замуж за художника Саркиса Хачатряна, возьмет его фамилию, сменит имя на псевдоним, и сама станет известной парижской художницей Вавой Хачатрян. После того, как жизнь раскидает их с Рубеном по разным странам,

они не прекратят переписки. Вот в 1927-м он пишет из Нью-Йорка: «Как приятно произносить твое имя! Такая радость – чувствовать, что ты меня не забыла и думаешь обо мне и хочешь меня видеть...». А вот в 1966-м она присылает ему программку своей парижской выставки с надписью: «Буду рада видеть тебя»...

В 1922 году Рубену становится неуютно на родине – волна советизации докатилась и до нее, привычная жизнь закончилась. И молодой человек уезжает в Европу. Там, в Лондоне, есть «зацепка» – сестра Светлана, вышедшая замуж за офицера находившихся в Грузии британских войск Алекса Маккормика. И так, жить есть где, а вот с работой... Удача является в образе приятеля Григория Макарова, раньше певшего в Мариинском театре. Тот сколачивает труппу для гастролей по Англии, ищет режиссера, и после долгих уговоров соглашается дать Мамулян эту должность. На репетициях труппы молодого режиссера замечают менеджер одного из старейших лондонских театров St. James Theatre Александр Нетерсол и драматург Остин Пэйдж. Так Рубен получает за-

Вава Хачатрян

Начало работы в Голливуде

манчивое предложение поставить новую пьесу Пэйджа «Стук в дверь», тем более, что она из русской жизни. Режиссерский дебют привлекает внимание хозяина и директора парижского «Театра Елисейских полей» Жака Эберто. Окрыленный дебютант отправляется к нему во Францию, но внимательно изучить контракт не успеваает – в гостинице его находит телеграмма с приглашением в США. Ее прислал меценат и филантроп, знаменитый изобретатель плочной кинокамеры «Кодак» Джордж Истмен.

Этот бизнесмен, удачно вложивший деньги в кинопроизводство, владеет кинотеатром своего имени и привлекает зрителей не только фильмами, но и «живыми добавками» к ним – представлениями, в которых до и после сеансов участвуют известные актеры и музыканты. Истмен хочет включить в эти «добавки» отрывки из опер и для этого организует в городке Рочестер, где находится штаб-квартира его компании, оперную студию. Директором туда приглашен еще один бывший певец Мариинки и знакомый Рубена – Владимир Розинг. Он-то и уговаривает Истмена доверить художественное руководство Мамуляну. И выбор между Америкой и Францией делается бесповоротно.

Помня уроки Вахтангова, молодой худрук добивается многого: и помогает актерам вникать в образы, и выстраивает многолюдные живописные композиции, и применяет спецэффекты. Результат не заставляет себя ждать. Премьерный третий акт «Риголетто» в течение недели исполняется в Истмен-театре по три раза в день,

«на ура» принимаются публикой и отрывки из «Севильского цирюльника», «Пиковой дамы», «Ромео и Джульетты», «Тангейзера», «Бориса Годунова», «Паяцев». Потом Мамулян уже полностью ставит «Фауста» и «Кармен». А после смерти сестры посвящает ее памяти постановку пьесы Мориса Метерлинка «Сестра Беатрис». Многие считают ее лучшей за всю его театральную карьеру.

А потом в Рочестер приезжает глава Театральной гильдии Лоуренс Лангнер. Его восхищают не только постановки Мамуляна, но и то, как он работает с актерами. Так Рубен получает приглашение преподавать в Театральной школе Гильдии в пригороде Нью-Йорка. Это – большая ответственность, режиссер колеблется, и тут ему на помощь приходит... любимая бабушка. Во сне он видит себя на краю глубокой пропасти: «Меня охватил панический ужас. И вдруг я увидел бабо Като, которая шла мне навстречу. Она говорила мне, чтобы я не боялся, ступал по воздуху и переходил на другую сторону». Теперь сомнений в переезде нет. После трех лет работы Истмен отпускает его неохотно, заверив, что он может вернуться, когда пожелает.

И вот – Мекка театральной Америки, Бродвей. Новичку предлагают инсценировать недавно вышедший и очень популярный роман Дюбоса Хейуорда «Порги» из жизни чернокожих. Это предложение отвергли многие – боялись трудностей работы с цветными актерами. Мамулян отправляется в Южную Каролину, где происходит действие романа, потом в Гарлем и категорически заявляет продюсерам: «Я не халтурщик и не намерен гримировать белых актеров под чернокожих. Их жизнь должна быть сыграна ими же». Спектакль, премьера которого проходит 10 октября 1927 года, выдерживает еще 367 представлений! Восторженные зрители и критики удивляются, как иностранец смог прочувствовать и передать то, чем живет «черный юг» Америки.

На съемках «Доктора Джекила и мистера Хайда»

Марлен Дитрих и Рубен Мамулян

Мамулян становится признанным режиссером и позже признается, что «Порги» сделал его само-го.

Следующее предложение тоже связано с пьесой, ставить которую отказываются другие. Это «Крылья над Европой» английских авторов Мориса Брауна и Роберта Николса. В ней герои беседуют, не отходя от стола, нет женщин и любовной интриги. А значит, она обречена на провал. Чтобы преодолеть статичность пьесы, Мамулян вносит в нее изменения. Один из авторов, Николс, приехавший из Лондона, по окончании репетиции вскакивает с криком: «Это невозможно!» и просит немедленно доставить его на телеграф – надо срочно сообщить соавтору об увиденном. Труппа в панике, Мамулян предлагает Николсу убрать изменения, но тот уже пишет текст телеграммы и протягивает ему. Рубен настолько расстроен, что отказывается читать, но драматург настаивает. И режиссер видит первые слова телеграммы: «Мамулян – гений»...

Еще не гением, но уже большим мастером признают тбилисца американские продюсеры. А это очень важно потому, что началась эра звукового кино, и необходимо, чтобы актеры органично заговорили на экране, отрекшись от методов «великого немого». Студия Paramount Pictures, находящаяся еще в Нью-Йорке, приглашает Мамуляна стать преподавателем, но он предлагает попробовать его как режиссера. Хотя бы в одной картине. И ему доверяют съемку фильма «Аплодисменты», в котором он, как говорится, разворачивается вовсю, ломая устоявшиеся каноны. Требуя от оператора одновременно снимать тремя камерами, использует два микрофона и совмещает записанное с них на пленке, ставит камеру на колеса, да еще снимает вне студии, в различных уголках Нью-Йорка. Пресса единодушно отмечает, что дебютант действует в кино совершенно по-новому.

Окрыленный режиссер возвращается на Бродвей и подряд ставит несколько успешных

Грета Гарбо и Рубен Мамулян

спектаклей, лучшим из которых признан тургеневский «Месяц в деревне». Для него Рубен упрасивает знаменитого художника Мстислава Добужинского воспроизвести декорации и костюмы, созданные еще в 1908 году в Московском художественном театре. А потом – снова Paramount, уже перебравшаяся в Голливуд, и Мамулян становится одним из пионеров «фабрики звезд». Там появляется самая первая картина о гангстерах времен «сухого закона» со звездой экрана Гарри Купером – «Городские улицы». В ней впервые в истории кино звучит закадровый голос. Успех этой ленты дает Мамуляну полную свободу в работе над двумя следующими фильмами, которые критики признают его высшими достижениями в кинематографе.

В первой звуковой киноленте знаменитого романа Роберта Стивенсона «Доктор Джекил и мистер Хайд» – тоже новации. Она снимается одним длинным куском, без монтажных склеек. Для превращения актера из доброго доктора в злобное чудовище используются зеленый и красный фильтры, высвечивающие лишь то, что надо показать в тот или иной момент. Это немало способствует тому, что исполнитель главной роли Фредерик Марч становится обладателем Оскара», а фильм в 1932-м получает приз самого престижного в мире Венецианского кинофестиваля (Каннского тогда еще не существовало) за самый оригинальный сюжет. Фантастическую музыку создало прокручивание в обратную сторону записи звуков очень низких и высоких частот, ритм при этом задавала запись учащенного биения...

Перед премьерой оперы «Порги и Бесс»

мамуляновского сердца. Совсем иная музыка звучит во втором из этих фильмов, одном из лучших мюзиклов 1930-х годов «Люби меня сегодня вечером». Там – песни классика американского музыкального театра Ричарда Роджерса.

А затем у Мамуляна появляется на экране Марлен Дитрих, спевшая в картине «Песнь песней» знаменитого «Джонни», ставшего затем одной из ее «визитных карточек». Говорят, что после ее успеха Грета Гарбо, звездная соперница Марлен, сама предложила Мамуляну занять ее в какой-нибудь роли. Она снимется в следующей картине Рубена «Королева Кристина», одной из самых знаменитых мелодрам в истории кино. Хлопот с капризной звездой у режиссера немало. Но, в конце концов, происходит «укрощение строптивой», несмотря на то, что после сотого дубля Гарбо бьется в истерике. Причем отношения налажены не только на съемочной площадке, но в личном плане. После съемок Грета и Рубен инкогнито отправляются в путешествие по Аризоне. Впрочем, инкогнито это остается недолгим для вездесущих журналистов, и «акулы пера» дают Мамуляну титул «Мистер Гарбо».

Но «божественной Грете» не удастся окончательно приручить Рубена. В следующем фильме «Мы вновь живем» по толстовскому «Воскресению» (его консультантом стал сын писателя Николай Толстой) снимается не столь звездная русская актриса Анна Стэн (Фесак), партнерами которой в немых фильмах до ее эмиграции были Василий Качалов и Всеволод Мейерхольд. А после этого – знаменательное событие: в 1935-м Мамулян снимает первый в истории кино полнометражный цветной художественный фильм «Бекки Шарп» по «Ярмарке тщеславия» Теккерея. Этот год и принято считать годом появления цветного кино, до того лишь предпринимались попытки раскрашивать в несколько цветов отдельные кадры. «Я считаю, что цвет на экране может быть использован как эмоциональный прием», – заявляет режиссер, и его слова не расходятся с делом. Цветовая гамма фильма воздействует на зрителей так же, как звуковые

новации Мамуляна. Не случайно, что эта картина получает премию Туринского фестиваля за оригинальное использование цвета.

Забегая вперед, мы увидим, как в 1940-м Рубен снова использует цвет «в драматургических целях». Кадры фильма «Кровь и песок» по роману одного из крупнейших испанских писателей XX века Бласко Ибаньеса напоминают цветовой гаммой картины известных испанских художников. Венчает их еще один приз Венецианского фестиваля – особый, за лучший цветной фильм. А между двумя «цветными» наградами Мамулян получает еще и Приз нью-йоркских кинокритиков за лучшую картину 1936 года. Веселая пародия на гангстерские фильмы коллег по Голливуду называется «Отчаянный парень». Примечательно, почему Мамулян стал ее снимать. Театральная гильдия решает ставить оперу «Порги и Бесс» на музыку гениального Джорджа Гершвина. Но вместо Мамуляна, как мы помним, блестяще поставившего это произведение как пьесу, почему-то приглашают другого режиссера. И лишь по категорическому требованию Гершвина, преклоняющегося перед Мамуляном, справедливость восстановлена. Композитор даже соглашается внести в партитуру изменения, отвечающие замыслу постановщика. После триумфальной премьеры основная слава достается Гершвину. Режиссера, конечно, тоже хвалят, но он – на втором месте. Именно тогда Мамулян решает сделать работу, успех которой будет целиком принадлежать ему. «Отчаянный парень» оправдывает это желание.

Но все-таки были музыкальные постановки, которые критики расценили, в первую очередь, как личный успех Мамуляна. Это мюзиклы «Оклахома!» и «Карусель», восторженно принятые публикой в разгар военного времени и ставшие, что называется, классикой жанра. Ну, а в кино Рубен ставит еще семь фильмов, кроме уже

Фред Астер в фильме «Шелковые чулки»

С советским писателем Евгением Петровым

перечисленных. Самый известный из них – «Знак Зорро», на котором выросли миллионы мальчишек во многих странах. Последняя его картина – «Шелковые чулки». Поставленная в 1957-м, она получает в следующем году «Золотой глобус» за лучший фильм и приз лучшей актрисе в категории комедийных музыкальных фильмов. Успеху у зрителей способствует и то, что в ней снимается легендарный исполнитель степа Фред Астер.

После этого Мамулян не снимает ни одной ленты. Он начал работать над двумя знаменитыми картинами – экранизацией «Порги и Бесс» и блокбастером «Клеопатра». Но оба раза довести съемки до конца суждено не ему. В первом случае продюсер вдруг решает, что «русский» режиссер все же не сможет вникнуть в жизнь негритянской общины, а несколько ведущих артистов ропщут, что постановщик излишне командует ими. Во втором случае, пригласив на главную роль Элизабет Тэйлор и сумев преодолеть все ее капризы, Мамулян не соглашается с изменениями, вносимыми в сценарий без его ведома. Так в 1961 году заканчивается его карьера кинорежиссера. Ему всего 58 лет – время творческого расцвета. Почему же талантливейшего человека отлучают от того, что он любит и умеет делать?

Историки и искусствоведы считают, что основных причин две. Явная: аристократизм, независимость, высокая самооценка, да и вообще весь образ жизни Мамуляна не очень вписывались в голливудские стандарты. Завистников, соперников, наконец, открытых недоброжелателей у него было предостаточно. Скрытая причина: как и многие другие американские деятели кино, Мамулян попал в поле зрения ФБР в период антикоммунистической «охоты на ведьм» в Голливуде. Поводов несколько. Контакты с советскими кинематографистами в то время, когда он играл руководящую роль в Гильдии режиссеров искусства. Присутствие на званных обедах Национального совета американско-советской дружбы и работа в Школе писателей Голливуда «Лиги Аме-

риканских Писателей». А эта школа и эта лига считались в ФБР ведущими коммунистическими организациями США. Значит, звонки Рубена отслеживались, почта просматривалась, за домом следили. В 1950-м все это прекратилось, однако досье Мамуляна так и не закрыли. Как говорится в известном анекдоте, «но осадочек остался».

Последние десятилетия своей жизни великий новатор кинематографа лишь изредка работает в театре и на телевидении. Он пишет книгу для детей «Абигайл», в которой главное действующее лицо – кошка, создает большую искусствоведческую работу «Гамлет: пересмотренный и интерпретированный». Кстати, это его любимая пьеса, и ее переводу на современный английский Мамулян, говоривший на семи языках, посвящает целый десяток лет. В 70-х и 80-х годах его жизнь проходит, в основном, в переездах с одного кинофестиваля на другой и в выступлениях на ретроспективных показах своих фильмов, он читает лекции в университетах и киношколах. А под конец жизни вдруг оказывается, что его замечательное прошлое все же достойно высоких оценок. Звезда Мамуляна появляется на голливудской Аллее славы, его имя вносят в «Бродвейский зал славы», он получает высшую награду Гильдии кинорежиссеров Америки – премию Гриффита за суммарные достижения в области кинематографии.

Среди кинофестивалей, на которые его приглашают почетным гостем, – и Московский. Приехав на него в 1961-м, классик кинематографа хочет побывать еще в родном Тбилиси и на исторической родине, в Армении. Его не пускают – в «Шелковых чулках» он снял приключения в Париже большевистских эмиссаров и считался в СССР создателем антисоветского фильма. Через десять лет в Кремле смиростивились, и Мамулян отправляется на Южный Кавказ, сна-

Вечеринка голливудских режиссеров в честь Л.Бюнюэля. В первом ряду (справа налево) Р.Мамулян и А.Хичкок. 1972

Дом Мамулянов на Санкт-Петербургской улице в Тбилиси

чала – в Ереван, где им очень гордятся. И здесь нельзя не процитировать исследовательницу жизни режиссера Светлану Гулян: «Посещение родного города входило в программу поездки. В Тбилиси он должен был ехать на машине. На границе Грузии и Армении его ждал кортеж грузинских машин. Прием в Грузии ему был оказан на самом высоком уровне. Указание свыше – никаких помпезностей, никаких встреч с журналистами, получили обе республики. Армянское правительство проявило осторожность, свято выполнив это указание. Грузины же встретили знаменитого американского тбилисца как подobaет». Кто бы сомневался!

Об этом единственным приезде Рубена на родину ходит немало историй, зачастую противоречивых. Так, Георгий Данелия пишет, что, возвращаясь «из ресторана на фуникулере, Мамулян захотел посмотреть на дом, где он жил до революции». И что «в Сабуртало (район в Тбилиси) они вошли в типично тифлисский дворик – с фонтаном посередине и верандами». Что ж, при всем уважении к Данелия, любой тбилисец может напомнить ему: в годы мамуляновского детства Сабуртало был огромным полем, а жилым районом стал лишь во второй половине XX века. На спуске с фуникулера типично тифлисский дворик мог быть только в Сололаки, где стоит дом рубеновского деда. Есть и другие рассказы о том, что он побывал именно там. А армянская журналистка Элеонора Малхасян утверждает: «Кортеж автомобилей въехал на Ленинградскую улицу... Мамулян остановился возле большого дома, который некогда принадлежал его родителям и фронтон которого все еще венчал их семейный вензель». Все эти истории, на какой бы улице они ни происходили, объединяет одно: везде старожилы узнавали Рубена...

Ну, а что же с личной жизнью? В 1942-м он женится на художнице Азалии Ньюман, увидев

в ней черты многих своих героинь. С годами она пристрастилась к спиртному и стала настоящей сумасбродкой. Старость оба проводят в окружении сорока (!) кошек. Пять лет после смерти Азалии режиссера поддерживает домработница Цагик Гюрджян, ставшая ему и другом, и сиделкой. Именно она добивается, чтобы его похоронили на красивейшем лосанджелесском кладбище Forest Lawn Memorial Park. Отпевают Мамуляна в армянской церкви, в последний путь его провожают пятьсот человек, среди которых – главы трех армянских епархий и голливудские звезды Керк Дуглас, Стенли Крамер, Френсис Форд Коппола, Элиа Казан, Билли Уайльдер Джозеф Манкевич, продолживший съемки «Клеопатры»...

И лишь одна женщина была рядом с Рубеном все годы его жизни, от рождения до смерти. За три дня до своего ухода девяностолетний режиссер в полузабытье делает руками странные движения и объясняет: он шьет одеяло вместе

Звезда Мамуляна на Алее славы в Голливуде

с бабо Като. Еще задолго до этого он разговаривает с ней во сне и сообщает потом, в каком она была настроении. А в гостиной его дома висит портрет бабо Като, написанный Азалией с маленькой потрепанной фотографии, привезенной из Тбилиси.

На могильном камне Мамуляна сначала значилось: «Великий режиссер». Потом камень обновили, и теперь там написано: «Выдающийся режиссер театра и кино». На мемориальной доске в Тбилиси значится, что он – «известный». Наверное, эти надписи делали люди, далекие от кино. О своем вкладе в кинематограф сам Рубен Захариевич говорил: «Самый главный критик – это время». И время доказало: он – великий!

ГРУЗИЯ: ВЗГЛЯД ЭМИГРАНТКИ

■ Юлия ТУЖИЛКИНА

Волнующая, солнечная и сказочная. Эта страна тревожила сердца многих поэтов, писателей, путешественников. Грузия – страна, куда я переехала из России. Какой я увидела ее впервые? Легкость романтики и опасность менталитета, европейские нововведения и древние традиции. Здесь сочетается несочетаемое. Ультрасовременные здания из стекла и бетона и старинные итальянские дворчики с резными балкончиками. Загадка – длиною в жизненный путь.

Прошлое и настоящее

Самое тяжелое, нудное и «всплывающее окно» – это воспоминания. О Родине, России, семье, друзьях...

Труднее всего оказалось – совместить это самое прошлое с настоящим. Бешеный ритм России и южная ленивость Грузии. Трудовой график с 8 утра и роль домохозяйки. Отсутствие выходных и постоянное пребывание дома. Как это соединить? С такими внутренними проблемами я столкнулась здесь, в Тбилиси, окунувшись в совершенно непривычный для меня мир.

В такой ситуации душевных противоречий есть несколько вариантов: от великой депрессии и театральной ностальгии до возвращения на родину. Но я выбрала наиболее оптимальный – не оглядываться назад. Не жалеть о прошлом. Не стоять спиной к своему будущему.

Двигаться только вперед, дабы не проворонить настоящее... Включила режим перезагрузки, переоценки ценностей и поиска смысла в реальной действительности. Славяне вообще хо-

рошо адаптируются, так в чем же дело? Главное – договориться со своими тараканами в голове, остальное – наживное. В нашей жизни хотя бы стремления зависят только от нас.

Культурный шок

Есть в Грузии вещи, понятия, явления, которые идут вразрез с моим мировосприятием. Это касается разных сфер жизни, многочисленных мелочей, из которых она собственно и состоит.

К примеру, отсутствие в Тбилиси зимы, снега, разъезжающих по городу деда Мороза и Снегурочки. Порой я теряюсь во времени и пространстве. Какой сейчас месяц? Когда будет холодно? Сейчас зима? Действительно?

Не секрет, что грузины любят и чтят традиции. Сдвинуть их вправо или влево порой невероятно сложно. Это касается и манеры одеваться, и застолья, и поведения.

Вот, например, тут не принято дома снимать обувь. Я уже смирилась с гостями. И нечеловеческими усилиями воли заставила себя не смотреть на ноги друзьям, когда они к нам приходят. Ну не поменяет вся Грузия ради меня своих привычек! А вот с домашними холодную войну продолжаю. Особенно усилила свои правила с появлением маленькой дочки. А недавно, намывая пол, в сердцах крикнула: «Увижу кого в ботинках – тресну шваброй!» И представляете... Меня боятся! Но продолжают шлепать в обуви. И так во всем. Грузины невероятно упертый народ.

В Грузии ничего не выкидывают. Никогда и ни при каких условиях. В домах есть такие древ-

ние вещи, что с трудом можно догадаться об их предназначении. Почти в каждой семье живут громоздкие, из цельного дерева комоды, тяжеленные круглые столы, вычурные кованые люстры и вазы. Порой вокруг этих вещей и выстраивают весь интерьер. В собственных домах обязательен камин, как дань традициям. Доисторические кастрюли, мясорубки, столовое серебро, потемневшие от времени подсвечники, сифоны для газировки и даже наши, русские самовары! Например, моя свекровь создала из деревянных ложек, копившихся годами, кухонную люстру. Собирачеству грузин нет предела.

В Грузии муж не отпрашивается у жены! Русские жены к такому явно не привыкли. У нас ведь как? Надо сначала пропылесосить, сделать все дела по дому, а потом, так уж и быть – можешь сходить в баню с мужиками... Тут абсолютно все по-другому. Вообще. Муж делает так, как считает нужным. Встречи с друзьями – это святое. Он, конечно, поставит меня в известность, но заискивать, умолять или как-то компенсировать свое отсутствие не станет. Как я с этим смирилась? Да просто люблю мужественность. У грузин, к слову, очень выражена мужская харизма. Так зачем ее истреблять? Лучше чувствовать себя женственной, нежной и слабой, нежели отвешивать подзатыльники мужу и выполнять тяжелую работу. Равноправие ведь оно во всем равноправие.

Поражает здешнее отношение к женщине. Особенно к матери. В России как? Жена должна работать, убирать, готовить, следить за мужем и детьми... А также откапывать зимой из снега машину, чинить ее, таскать тяжелые сумки и т.д. Вот оно – пресловутое равноправие!

Здесь несколько иначе. В основном проблемы по обеспечению семьи лежат на мужчине, он добытчик и хозяин. А женщина – хранительница очага. Муж, конечно, не заставляет вас сидеть

дома силой, если есть работа – пожалуйста! Но этого никто не требует, и основная задача – работа о семье.

Я бы сказала, тут развит культ родителей. Никогда бы этого не прочувствовала, если бы не родила маленькую грузинку. С ее появлением отношения в семье поменялись. У меня появилось право голоса в решении ключевых вопросов. Причем заметила, что муж, охраняя меня, может строго поговорить с маленькой дочкой, подчеркивая мой статус. Никакого панибратства и распушенности. Дети должны знать свое место. По словам моей старшей, русской дочери, я здорово укрепила позиции. И отлично! Мосты ведь давно сожжены.

Точки соприкосновения

Человек – такое интересное и беспокойное существо, которое всегда все сравнивает. Так и я. Хотя уже перестала при каждом удобном и неудобном случае твердить: «А у нас, в России...» Кому это интересно?

Теперь ищу точки соприкосновения, нечто родное или близкое сердцу, душе... или желудку. И, что удивительно, нахожу.

У нас одна вера, мне во многом это облегчает жизнь. Не идет вразрез с моим воспитанием и объединяет. Общие праздники и обряды, а значит, одинаковый взгляд на некоторые нематериальные ценности. Хотя масленицы мне не хватает. И блины тут не в почете. Однако...

Грузия – вкусная страна! А русские не откажутся от плотного обеда. Шашлыки, шаурма и хинкали... Что может быть вкуснее? Мне кажется, никогда не смогу ими насытиться. К слову, я забыла про майонез и оливье, на свете есть куда более интересные блюда.

Еще один момент, определенно для меня близкий и понятный – это теплые отношения родственников. В моей российской семье тоже приняты шумные и веселые семейные застолья, взаимопомощь и «чувство локтя». В Грузии, вдали от своих родных, я плавно влилась в семью мужа. А когда были живы его родители, всегда чувствовала их поддержку, внимание и заботу.

Назвался груздем – полезай в кузов

Отбросив лирику, метания и ностальгию, думаю, добилась определенных результатов. К слову, не уверена, что смогла бы это сделать на своей Родине, если бы привезла мужа туда. Значит, обстановка, менталитет, традиции и упрямая любовь грузин ко всему родному, помогли мне в адаптации. Итак, находясь в браке с грузином три года я:

Поняла и приняла, что мужчина в семье главный. Это освободило меня от постоянной ответственности за все вокруг: землетрясения и цунами, неоплаченные счета и поломку машины.

Научилась готовить грузинские блюда. Мои домашние грузины с презрением относились к

русским супам и салатам. Однажды сын моего мужа сказал, вздыхая и глядя на стопку блинчиков: «Вот если бы на каждый ты положила кусок шашлыка, то мы быстро бы управились с ними...»

Подружилась с родственниками и друзьями мужа. Конечно, в зрелом возрасте трудно доверяться новым людям, но мне оказалось это жизненно необходимым. Они помогли мне во многом – понять менталитет этого народа, что в какой-то степени даже облегчило взаимоотношения в моей семье.

Поняла, что дочь будут воспитывать в грузинских традициях. Моя младшая дочка родилась и живет здесь, в Тбилиси. Понимает два языка. Но отец ее уже сейчас воспитывает по-своему. Разница в воспитании, конечно, есть. Но я не стану перебивать своей славянской культурой, если она где-то пойдет вразрез. Зачем нам скандалы в семье?

Безусловно, для того, чтобы полностью адаптироваться к жизни в Грузии, мне может не хватить и всей жизни. Уж настолько мы разные. Но знаю одно – интересно видеть необычное каждый день, познавать, открывать что-то новое, примерять на себя. Ведь как говорят категоричные грузины? Где находишься, ту одежду и носи!

Взгляд в будущее

Сильные, упрямые, и невероятно живучие. Так я думаю о грузинах. Их трудно свернуть с намеченного пути, запугать. Несмотря на очень упорные десятилетние старания извне, они сохранили и культуру, и традиции. Только вот что ждет впереди?

Оказалось, я тоже заинтересована в этом самом будущем. И прежде всего, как мать. Моя старшая дочь планирует уехать из России, окончить магистратуру в Тбилиси и связать свое будущее с этой страной. Младшая – вообще никуда

отсюда пока не собирается. И я не хочу, чтобы ей эта мысль когда-то закралась в голову. Однако в этой стране столько проблем и противоречий, что не говорить о них – словно закапывать голову в песок.

К примеру, отечественные пенсии равны! Звучит гордо. Но где еще такое встретишь? Директор завода и уборщица в одинаковых условиях. Я не против труда чернорабочих, совсем нет. Но ведь не сравнить уровень ответственности или напряженную работу руководителя крупного предприятия, главного врача, директора школы и санитарки, уборщицы и грузчика. Верно? Разная у них эта самая напряженность, и ответственность, и последствия, да и наказание за оплошность.

А к старости оказывается, что они одинаковую трудовую жизнь прожили. Выживают грузинские старики. На фасоли, картошке или хачапури. Да и дети помогают. Только вот что делать с молодежью? Им ведь продолжать традиции, так как они будут управлять страной.

А какая мотивация у подрастающего поколения? Зачем им учиться и чего-то достигать? К чему карьерная лестница и профессиональные достижения? К чему вообще развитие?

К сожалению, сейчас в Грузии сознательно или неосознанно возвращают поколения потенциальных эмигрантов. Все стремятся уехать на заработки. Но ведь обидно: не врачами, юристами и учителями едут трудиться молодые грузины. За границей их удел – рабочие, нянечки, сиделки и уборщицы. Мы уверены, что именно этого хотим для своих детей и внуков?

Хотелось бы видеть Грузию сильной и свободной, перспективной и процветающей, ласковой и любящей своих граждан. Грузию, опирающуюся на вековые традиции, сохранившую свою веру и землю.

Париж. 20-е годы XX века

Воспоминания

■ Ганна ЭЛИАВА-МАЛИЕВА

Продолжение

ЧАСТЬ X

Весной 1925 года Гоги со своей семьей отправился в научную командировку в Париж, в Пастеровский институт сроком на год. Ехали мы до Москвы четверо суток с волнующим приключением в пути, когда Гоги, пожелавший посмотреть на море во время остановки поезда в Баку, в сопровождении мамы, побоявшейся отпустить его одного из-за отсутствия у него чувства времени, ему свойственного, опоздали на поезд, умчавший меня, двенадцатилетнюю девочку, со всеми документами, деньгами и вещами – одну, в полную неизвестность. Со страшными мучениями моим родителям удалось найти машину, водитель которой сердечно отозвался на создавшуюся ситуацию и помчал моих «заблудших» родителей, не щадя ни себя, ни машину, к следующей остановке поезда – Баладжары. Надо ли говорить, что все пассажиры поезда были в курсе этого из ряда вон выходящего события и, зная особый благоприятный рельеф прогона Баку – Баладжары, надеялись, что мои родители этим воспользуются (тут можно было на машине обогнать поезд); пассажиры отправили делегацию к начальнику поезда с просьбой максимально удлинить оста-

новку. Подъезжая к станции, попутчики жадно прикинули к окнам вагона, высматривая моих родных. При первых же радостных восклицаниях: «Вот они!» я выглянула из окна и, увидев, как они, встревоженные, поднимаются в вагон, забились в угол купе и хоть отчаяние, сломавшее все мое существо, меня отпустило, его сменила горькая обида: «Как они могли меня бросить?!» Долго я не отвечала на бурные объятия мамы, хотя она, бедняжка, пережила не меньший стресс.

В Москве мы пробыли недели две: Гоги улаживал необходимые формальности. Помню впечатление от тогдашней Москвы – огромная деревня, в противоположность собранному, нарядному Тифлису. Здесь я познакомилась с игрой чудо-артиста Михаила Чехова. Жаль, что мне было всего 12 лет, и я была не в силах постичь всю глубину его неповторимого мастерства и запомнить во всех деталях созданные им образы: Гамлет, Мальволио («Двенадцатая ночь») и аптекарь в «Потопе». От глубокой трагедии принца датского – высоко поэтический образ, память о котором до сих пор сжимает сердце от сострадания, до комического одесского еврея со всем юмором, забавными выпадами и жестикуляцией, причем совсем не переигрывая.

Из Москвы мы поехали в Берлин, где задержались на неделю для совершения очередных формальностей. Город мне показался холодным и непривлекательным, но поразил своей идеальной чистотой. Самое большое впечатление произвел на меня первый в моей жизни универсальный магазин Вертхайм, где мама купила мне серенькие ажурные перчатки просто, чтобы не уходить без покупки.

В июне мы прибыли в Париж. Северный вокзал, куда прибывали российские поезда, расположен был в одном из самых захудалых районов города. Узкие улочки, обтрепанные, запущенные дома. Остановились мы в неказистой привокзальной гостинице, так что первое впечатление от «столицы мира» не было восторженным. Приведя себя в порядок и подкрепившись, мы отправились прямо в центр города, в банк, куда должны были быть перечислены из Москвы деньги, причитающиеся за год командировки Гоги. В Москве отца снабдили лишь небольшой суммой, хватившей до приезда на место. Планы у нас были вполне конкретные: нам надо было одеться с головы до ног, особенно Гоги, на котором были его единственные брюки. Одежду мы взяли с собой

В лаборатории Пастеровского института. Париж

только самую необходимую и хотели привезти из Парижа максимум возможного. Подъехали мы к банку на такси, с которым Гоги расплатился чуть ли не последними наличными, а сам устремился внутрь здания, оставив нас на небольшой, но очень красивой площади. Вернулся он довольно быстро, но был мрачнее тучи: перевода на его имя пока не поступало, и ему предложили зайти через пару недель. Это был просто смертельный удар. В полном смятении и растерянности Гоги сделал несколько шагов, машинально нагнулся завязать шнурок на ботинке и... раздался треск – единственные брюки лопнули по швам. Подавив приступ бешенства, обычно вспыльчивый Гоги вынужден был следовать за мамой, а я сзади прикрывала тылы. И тут случилось чудо, мы услышали: «Гоги! Какими судьбами?!» Это

был знакомый его юности из Батуми, а в то время процветающий финансист, работник банка. Отец поведал ему о своем пиковом положении, наш спаситель вошел с ним в банк, поручился за него, и Гоги выдали в счет ожидаемого перевода некоторую сумму денег. Кризис миновал. Любопытно, что больше они никогда не встречались. Через пару дней мы уже обосновались на маленькой улочке в трехкомнатной меблированной квартире со всеми удобствами, где и прожили всю командировку.

Часть XI

С первых же дней отец с головой погрузился в научную работу, жадно знакомясь со всеми новыми достижениями в области микробиологии за четыре года его отсутствия. Мама знакомилась с Парижем сначала под руководством Гоги, чувствовавшего себя здесь как дома, а вскоре уже совершенно самостоятельно. Она полностью подпала под очарование этого неповторимого города и жадно «поглощала» искусство. Театры, опера, оперетта, мюзик-холлы, концерты, кинематографы, музеи, картинные галереи, исторические памятники. Ей надо было впитать самое драгоценное, чтобы обогатить новыми красками свое мастерство. Как правило, утром каждый из родителей шел по своим делам, а к вечеру, объединившись, они отправлялись вдвоем на разнообразные представления, а я ложилась перед их уходом в постель, укрывалась с головой и проводила 3-4 часа в тревожной полудреме, так как боялась темноты и одиночества, пока, наконец, не раздавались звуки ключа в замочной скважине и приглушенные голоса, отчего я мгновенно погружалась в сон. Раз в неделю по вечерам меня брали с собой. Обычно мы ходили в расположенный неподалеку огромный кинематограф, посещаемый, в основном, рабочим людом, приходившим туда с маленькими детьми, с едой и располагавшимися в кино, как у себя дома. Войти в зал можно было в любое время в сопровождении девицы с фонариком, провожавшей зрителей к их местам. Сеанс состоял из трех фильмов, между которыми были эстрадные интермедии, рекламные мультфильмы и т.п. В антрактах же сновали многочисленные лоточники, громко рекламируя свой товар. Меня больше всего прельщали коробочки с сюрпризом, в которых были дешевые конфеты и какая-нибудь игрушка. За вечер показывали киноленту с новостями, короткий острокомический фильм и большой нашумевший фильм с известными звездами, который уже обошел все престижные кинотеатры в фешенебельных районах Парижа. За неполных два года пребывания в Париже я просмотрела около трехсот фильмов (я вела запись).

Дома у нас перебивали все медики и командировочные, приезжавшие в Париж из Грузии: Шалва Микеладзе, талантливый терапевт, музы-

Здание бактериофага. Тбилиси

кант и композитор Тамара Вахваишвили, Шалико Бакрадзе, молодой человек лет 23-х, бежавший за границу с парой друзей-студентов, который жил за счет средств, присылаемых из Тбилиси родителями.

Помню, что мы посещали семью Калистрата Беридзе (дальний родственник отца) и семью Шалвы Гамбашидзе, который был женат на француженке, изучившей грузинский язык, на котором она говорила, очаровательно картавя. Три их взрослые замужние дочери также привлекали представителей молодежи из грузинской колонии в Париже. Младшая дочь Жоржетта вышла замуж за Георгия Николадзе, который привез ее в Тбилиси. Георгий Николадзе – ученый, талантливый инженер-металлург, альпинист.

Бывали мы также у приятеля и коллеги моего отца по Пастеровскому институту профессора Эдуарда Позерского, с которым они провели ряд совместных исследований и опубликовали работы. Поляк по происхождению (внешне – типичный запорожский казак, сошедший с картины Репина), однако внутренне типичный француз, женатый на француженке, в память о своей родине назвавший свою дочь Вандой, Позерский был необыкновенно колоритной личностью. Веселый, энергичный, крайне подвижный, несмотря

на внушительный рост и объем, гурман, доведший питание до высокого искусства, он превращал обед в художественное представление. Званные обеды он готовил сам – кулинария была его хобби, и он под псевдонимом Эдуар де Полшан прославился своими лекциями в Сорбонне, где на практике демонстрировал изобретенные им блюда, которыми и угощал своих слушателей, издал он также несколько книг по кулинарии, две из которых преподнес мне с милой дарственной надписью.

Вскоре после нашего приезда в Париж Позерский пригласил нас на обед. Он сам открыл нам дверь и радостно приветствовал нас фразой: «Гоги, как всегда, верен себе – опоздал ровно на два часа!» Отец мой не отличался пунктуальностью графа Монте-Кристо! Тем же летом Позерский пригласил меня на неделю на дачу Ветей – живописное местечко, расположенное на реке Уезе. За неделю он научил меня гребле, а также, неумоимо бегая рядом, езде на велосипеде, и я, к великому его удовольствию, выехала на велосипеде встречать моих родителей, а затем покатала их в лодке.

Летом 1925 года в Париже была мамина двоюродная сестра Генриетта Ротшильд. Бывала она у нас постоянно. Умная и энергичная женщина

– врач, она очень любила мою маму и с нежностью относилась ко мне. У меня же была довольно длительная полоса переходного возраста, со всеми отрицательными признаками. Я стала злой, нетерпеливой и требовательной к людям и на глазах из хорошенькой девочки превращалась в довольно неуклюжую дурнушку-подростка: нос распух, глаза заплыли, спина ссутулилась. Почему-то, без всяких на то причин, я особенно невзлюбила Генриетту, старавшуюся мне во всем угодить. Я приболела, были признаки аппендицита. Генриетта готовила мне какие-то затейливые печенья и воздушные диетические лакомства. Все это я принимала с гримасой отвращения. Как она только терпела это, милая женщина! Помню, она только шуточно бранилась по-польски.

Осенью меня повели в лицей для девочек в приличном районе и с хорошей репутацией. Занятия уже начались и меня тут же проэкзаменовали по математике и французскому языку. По возрасту мне следовало поступать в шестой класс, но поскольку моих знаний оказалось недостаточно, меня прямо отвели в седьмой (счет обратный: первый класс – выпускной). Француженки миниатюрные вообще, тем более, что девочки были на год-два моложе меня, а я была изрядной дылдой, они встретили меня дружным возгласом удивления: «Это ошибка? Не туда попали!» При этом сопровождавшая меня учительница о чем-то пошептала с классной дамой, и та усадила меня на заднюю парту, где я провела несколько неприятных минут. Затем урок снова был прерван; вошла приведшая меня учительница и под одобрительные восклицания девочек: «Мы же говорили, что это недоразумение!», увела меня в шестой класс. За эти несколько минут директриса лицея убедила маму нанять опытного педагога и подтянуть меня до нужного уровня, чтобы мне не было обидно посещать занятия с

младшими детьми. За месяц занятий с репетитором я настолько успешно восполнила свои пробелы, что она отказалась от дальнейших занятий, а к середине учебного года я оказалась в числе первых четырех учениц.

...В 1927 году Гоги привез из командировки в дар от Пастеровского института 40 ящиков лекарственных препаратов, которые были погружены в вагон за пять минут до отправки – Гоги, конечно же, опоздал. В одном из ящиков, хитроумно запааянные в ампулах, ехали возделенные французские духи Шанель N5 для сотрудниц института.

Часть XII

22 января 1937 года – день памяти Ленина, нерабочий день. Отец с матерью отправляются на пролетке на Сабурталинский участок, выделенный для строительства проектируемого комплекса Института бактериофага, санкционированного самим Сталиным. Прекрасный погожий день. Родители хотели присутствовать при закладке фундамента для строительства двухэтажного жилого дома (две шестикомнатные квартиры), предназначенного для семьи директора Института и для длительных приездов профессора д'Эрелля.

У меня тоже волнующий день – вечером должен прийти жених официально просить моей руки. Чтобы взбодрить его (он очень волновался, так как родители были разочарованы моим выбором), мы условились с ним встретиться у подруги Муси Цварава. По дороге захожу к другой приятельнице Жене Абамелек – у нее родилась девочка две недели назад, и я ее еще не видела. Леночка спит, очень беленькая и аккуратная. Неожиданно распахивает огромные голубые глаза и надолго покоряет мое сердце.

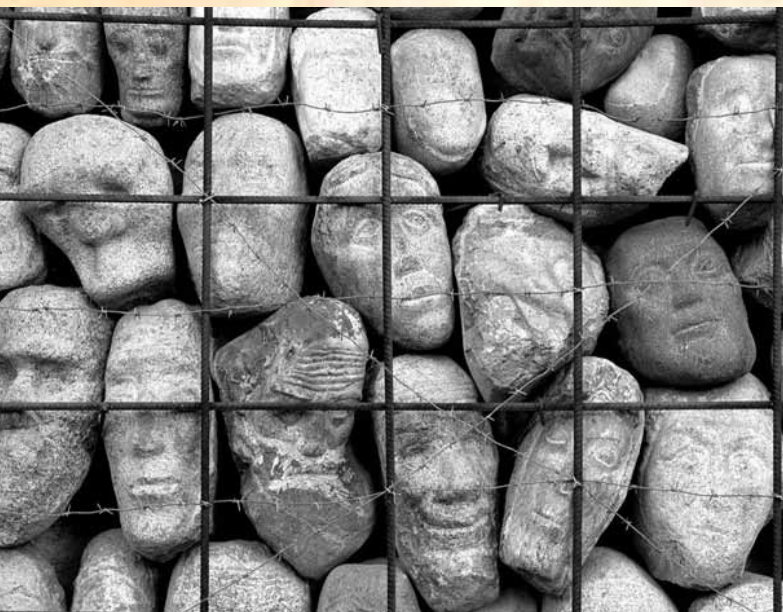
В три часа дня я вернулась домой. Родителей еще нет. Незнакомый мужской голос несколько раз справляется по те-

лефону, не вернулся ли Георгий Григорьевич, не называя себя. Родители возвращаются, немного уставшие и очень довольные. Следом за ними приходит гость – недавно приехавший откуда-то человек, все время трущийся около отца. Звонок в дверь. В столовую входят двое: один в гражданской одежде, другой в полувоенной. Не здороваются, не извиняются. Отец встает. Следует приказ всем сидеть на месте. Из внутренней двери (дверь в спальню; вторая дверь из прихожей) появляется третий человек и останавливается на пороге, не спуская глаз с сидящих, затем появляется четвертый. Подходят к гостю, выясняют личность и разрешают уйти. Начинается обыск. Двое «работают» в столовой (она же гостиная и кабинет), двое других уходят вместе с мамой в спальню (отец сказал мне: «Иди с мамой, – полувоенный запретил»). Один перелистывает книги – полки, занимающие целую стену, энциклопедии и писатели-классики; другой перебирает бумаги на и в письменном столе. Отец очень нервничает. Лицо покрылось красными пятнами – он очень вспыльчив и привык всегда и во всем главенствовать. Обращается к полувоенному: «Пожалуйста, не затеряйте доклад – он в единственном экземпляре». (На следующий

день он должен был ехать в Москву на съезд микробиологов – его доклад был центральным). В ответ – непроницаемое лицо. Не верю, что все это всерьез, по закону. В голове, с первого же момента сумасшедшая мысль: бандиты, грабители, инсценирующие арест и обыск. На пороге стоит, широко расставив ноги, низкорослый питекантроп К. (впоследствии расстрелянный), вперив тяжелый взгляд в отца, – он главный в этой четверке. Следовательская группа интернациональна: К. – армянин, С.й – еврей (тоже впоследствии расстрелянный), грузин – не помню фамилии, и русский. После двухчасового обыска, ничего не давшего, двое увозят отца. Разрешают проститься. Он наспех прощается, приговаривая: «Это какое-то недоразумение, все выяснится, я скоро приду». Потом, уже в передней, просит разрешения проститься вторично. Быстро входит в гостиную, где мы с мамой: я – стоя, а она сидя – окаменели и направляется прямо ко мне, поручая заботиться о маме, крепко обнимает, потом подходит к матери. Двое оставшихся уводят маму в соседнюю комнату и через некоторое время зовут меня: «Побудьте с мамой». Мама сидит в кресле, вся обмякшая, а я, входя в роль ее защитницы, начинаю ее успокаивать, бормоча,

На прививках. Тбилиси. 1930-е гг.

чтобы она держала себя в руках, не поддавалась и т.п. Она, не глядя на меня и не реагируя на мои слова, медленно снимает с руки золотой браслет с часами, передает мне и говорит: «Меня тоже арестовывают». Я не верю. Этого не может быть! Арест Гоги уже достаточно нелеп, но он хотя бы общественный деятель, он все время на людях и с людьми, могла произойти любая путаница. А мама ведет жизнь затворницы, нигде не работает. К тому же она – тяжело больной человек. В передней мы с ней прощаемся – элегантная молодая женщина (ей скоро 52, а выглядит чуть старше сорока) – я ее обнимаю и говорю: «Не волнуйся, все будет хорошо». Она, слегка отстранив меня, внимательно-удивленно смотрит: «Это я тебе должна говорить!», и скороговоркой добавляет: «Выходи за своего Гено». Маму уводит вернувшаяся пара следователей.

С. обыскивает мою комнату в моем присутствии. Обыск чисто формальный. Он настойчиво повторяет: «В этой комнате все вещи ваши, мы их не трогаем». Затем возвращается в гостиную. Тут, на столике огромного трюмо, стоит ажурная серебряная шкатулка с маминими театральными украшениями. Выполненные хорошими мастерами подделки: жемчуга, бриллианты и всякие камни показались С. настоящими драгоценностями. Он сыпает содержимое шкатулки мне на колени и говорит: «Это все ваши вещи».

Мне предлагают выбрать себе комнату (оставшиеся будут опечатаны) – одну из двух. Мне решительно все равно, но так как одна из них моя, то я указываю на нее: К. кидается в мою комнату и начинает ее заново лихорадочно обыскивать (ведь я же, наверно, не зря ее выбрала). Двое других стоят на пороге и наблюдают за кипучей деятельностью К. Ничего не найдя, он разочарованно прекращает обыск. Составляется протокол обыска квартиры, записываются изъятые деньги (командировочные отца). Мне оставляют

минимальную сумму (С. ратует за передачу мне всех денег – не проходит. Подписываю протокол. Комнаты опечатываются, кроме моей – она имеет отдельный выход. Сотрудники НКВД уходят. Я остаюсь с нашей старой кухаркой и молодой домработницей, которая после раскулачивания бежала в Тбилиси с Северного Кавказа. Звоню по телефону ближайшей подруге Мусе – у нее Гено, который приходил во время обыска, но вернулся к ней. Мой жених сразу же ко мне приезжает и не оставляет меня до самого моего ареста, окружает вниманием и заботой, тем более ценными, что некоторые одноклассники в то время боялись даже поздороваться со мной на улице.

Два с половиной месяца проходят в гнетущем непонимании происходящего, с постоянной надеждой на возвращение моих родителей, на пробуждение от кошмарного сна, в стоянии часами в очереди в комендатуре НКВД для передачи белья и, главное, для получения записки с подтверждением.

Часть XIII

В ночь на 3-е апреля за мной пришли. Один из группы, мой будущий следователь Август Лапин, учился со мной в одной школе (годом старше), умный, интеллигентный человек. Комнату мою опечатывают, а мужу (мы оформили наш брак; грустное было бракосочетание) предлагают вернуться к своим родителям. Кухарка и молодая работница остаются на кухне.

Меня повели пешком: здание НКВД находилось в пяти минутах ходьбы от нашего дома. В комендатуре меня передали дежурному, который повел меня в одиночную камеру, где уже находились две заключенные; дверь за мной закрылась с лязгом, и ключ со скрежетом повернулся в замке...

Быть может, самое страшное в жизни человека, когда он осознает, что его лишили свободы. Неопишное возмущение охватывает все твоё существо, сознание бунтует и отказывается воспринимать это противоестественное состояние. Кажется, что грудная клетка разорвется от переполняющего ужаса, беспомощности и унижения!

Мои сокамерницы – Тико Дж. и Варя Б. – находились в заключении уже несколько месяцев. Варя была в неуравновешенном состоянии, поскольку она оставила младенцев-близнецов со старой немощной бабушкой и сведений о своем семействе не имела. Обе женщины были замучены допросами и полным непониманием, что им предстоит в будущем.

Через три дня меня перевели в общую камеру, где было человек 16. Для меня места не нашлось (в начале 1937 года каждый заключенный еще претендовал на отдельную койку). Днём я пристраивалась в ногах у гостеприимных сокамерниц (в основном, бывшие члены партии и подпольщики, которые считали мое там пребывание

даже несколько оскорбительным для себя и не сомневались, что меня вскоре выпустят, выяснив, что это недоразумение), а на ночь устраивалась спать на столе (вскоре столы были изъяты из камер), над которым были полки, уставленные маринованным чесноком (витамины – единственное, что разрешалось передавать заключенным, кроме белья). Запах этого чеснока всегда ассоциировался у меня позднее с неволей.

Через пару дней я простудилась и с больным горлом и высокой температурой промучилась в том же режиме дней десять без какой-либо медицинской помощи. И никто не уступил мне койки.

Раза три меня вызывали на допрос к Августу Л. Задавался мне один и тот же вопрос: кто бывал и о чем крамольном говорили в доме за последние 10 лет. Несмотря на бессмысленность допроса, я с удовольствием вырывалась из затхлого воздуха камеры и часок дышала чистым воздухом в кабинете следователя, который предупредительно распахивал окно настежь.

К концу апреля меня перевели в Ортачальскую тюрьму. Там, в комендатуре, я прошла через дактилоскопию и с вымазанными черным руками была водворена в камеру с открытым окном и незапертой дверью, с покрытым скатертью столом, посреди которого стоял кувшин с цветами. Заключенные здесь были, в основном, иностранного происхождения. Встретили меня радушно и сразу же повели мыть руки, предварительно достав из одного из шкафчиков мыло. Шкафчики оказались битком набитыми куличами и всякой снедью – были пасхальные дни, а в тюрьме разрешались пищевые передачи. Потом был «праздничный обед», а через два дня нас с Фридой Майер перевели в другой корпус.

С мая 1937 года режим «политических» заключенных был резко изменен. Отменены передачи, прогулки, свидания. Камеры на замке, окна под потолком и забраны темными жестяными щитами почти доверху. В нашей камере было 8 коек, которые вскоре были заняты. В дальнейшем ее заполнение в четыре раза превысило норму.

Часть XIV

В середине мая 1937 года вечером, когда тюремное начальство отдыхало, в коридоре слышались шаги и приглушенные голоса. Шаги замерли около нашей камеры. В массивных тюремных дверях всегда находятся какие-то щели, о которых заключенному известно, а их сторожам – нет. Сквозь такую щель я увидела маму, стоявшую прямо перед дверью. Услышав звяканье ключей, я отскочила к противоположной стене камеры, а мои товарки стали плотной стеной около двери, заслонив меня от мамы, чтобы она нечаянным жестом или возгласом не выдала своих чувств, встретившись со мной. Я подошла к ней только, когда вахтер закрыл за собой двери. За четыре месяца заключения мама превратилась

из красивой женщины 40-45 лет в безобразную старуху – скелет, обтянутый кожей: неправдоподобно, до уродства огромные глаза, заострившийся нос, растянутый рот на треугольном, лишенном щек личике. Мы молча обнялись и, сев на моей койке, стали тихо разговаривать, не пролив ни одной слезинки. Все остальные плакали, забившись в уголки своих коек. Кто-то уступил маме койку рядом со мной, и мы с ней проговорили всю ночь.

Как и мне, ей была непонятна причина нашего ареста, только она восприняла всю эту буффонаду намного трагичнее. Увидев меня и приятно удивившись моему самообладанию, она вся переключилась на мысли о Гоги и страх за него. Выяснилось, что когда в начале апреля, после моего ареста, мама получила записку с перечнем вещей, написанную не моей рукой, она решила, что я погибла и перестала есть из-за нервных спазмов горла, и не могла спать. Она сидела в камере одна и ничто не могло ее отвлечь от мрачных мыслей. Через месяц, когда она была вызвана на очередной допрос, следователь испугался ее вида. Мама умоляла сказать, что со мной и с надеждой (лишь бы я была жива) спросила, не арестована ли я. «Да, мы ее задержали, но теперь она на свободе», – был ответ. Через пару недель следователь перевел маму в тюрьму «для поправки», считая, видимо, что в таком состоянии

Ганна Элиава-Малиева

Ганна в лагере

она не выдержит допросов по новому методу. Уже во дворе маму «обрадовали» заключенные, от которых она узнала, что я по-прежнему в камере.

Наутро, когда мама собиралась насладиться горячим чаем, который я подала ей в постель (она прилегла отдохнуть после бессонной ночи), в камеру буквально ворвался дежурный комендант корпуса с перекошенным от волнения лицом, в окружении испуганных вахтеров: «Кого привели вчера вечером?!» Мама обожгла губы, чуть не выронила чашку. Кто-то с готовностью назвал две фамилии (с мамой вместе привели еще двух) и замолчал... «Кого еще?!» Мы с мамой прижались друг к другу, кто-то назвал фамилию. «Вы сестры?!» – «Мать и дочь». Повернулся к свите. «Одну из Элиава немедленно в другую камеру!». Маму перевели в соседнюю камеру. Чтобы не расстраивать своих сокамерниц, я попросилась в туалет (дежурила добрая вахтерша Маруся) и, открыв полной струей все восемь кранов, вволю нарыдалась. Это были первые слезы после ареста. Первые слезы, которые не дали облегчения горю, а камнем давили на сердце.

Та же добрая Маруся дала мне пару раз возможность повидать маму на несколько минут. Недели через две мама заболела и ее забрали в больницу. У нее оказалось воспаление почечных лоханок, болезнь тяжелая вообще, а при ее физическом истощении, почти неминуемо смертель-

ная... Маму и не лечили, считая ее безнадежной.

Начальником тюрьмы был в то время Чигогидзе (впоследствии расстрелянный). Раз в две недели он делал обход больницы и раз в месяц – обход камер. Во время обхода он выслушивал жалобы, принимал заявления (устные, конечно, – ни писать, ни читать мы не имели права) о тех или иных нуждах и просьбы. Все, что было в его возможностях, он старался выполнить. Я его попросила узнать о здоровье мамы. Он узнал и благородно обманул меня, сказав, что она поправляется. Мама, в свою очередь, попросила его в случае, если она поправится, поместить ее со мной в одну камеру. Он обещал, уверенный, что утешает умирающую, но его обещание вернуло маму к жизни. Вера во встречу со мной так подняла общий тонус, что она стала быстро поправляться, а ведь она уже чувствовала, по ее словам, «дыхание смерти». Когда, держась за стенки коридора, она впервые сама пошла в больничный туалет, попавшаяся ей навстречу ординатор палаты испуганно отмахнулась от нее с криком: «Посмотрите на это привидение!» Ч. выполнил свое обещание, и целую неделю мы с мамой были вместе.

После болезни мама ничуть не изменилась – дальше было некуда. Около середины июля в больнице ей попался клочок свежей газеты, в которой было сообщение о приговоре к расстрелу ряда людей («гидр контрреволюции»). В списке из семи человек была фамилия Элиава, но инициалы были оторваны. Я всячески убеждала маму, что это никак не может быть отец, так как полный абсурд думать, что он в чем-то виноват, тем более, что фамилии шести других в списке были нам незнакомы. (Я ошибалась. Абсурд состоялся). Маму все же мучило беспокойство. Через неделю маму забрали обратно в НКВД. Я ее собрала, мы наспех попрощались, уверенные, что я последую за ней, но больше мы не виделись. Одно время она была в общей камере и мне рассказывали, что она стыдливо скрывала следы побоев на допросе, не желая признаться в этом унижении. Судьба ее, последние дни и мучения, так и остались неизвестными даже следствию, которое проводилось в дни реабилитации (1956-57 гг). «По-видимому, расстреляна», реабилитирована посмертно «ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ!!!»

Часть XV

С мая 1937 года тюремный режим резко переменялся. Прекратились прогулки, передачи, свидания. Связь с волей прервалась. «Кренкили» (перестукивающиеся заключенные; какое-то время и я этим занималась) передавали о массовых арестах высокопоставленных военных чинов: Тухачевского, Блюхера. Становилось все непонятнее и страшнее. Как-то летом ко мне приезжал мой следователь Л. Был со мной очень отчужденным, задавал незначительные вопросы. На мой

вопрос о маме ответил, что ничего о ней не знает. Потом обо мне забыли надолго.

Тем временем наша камера стала заполняться людьми, с августа-сентября уже ускоренными темпами женщин приводили и уводили, а я все оставалась. Уже стали появляться первые приговоры: 3, 5, 8 лет ссылки в лагеря. Сначала это были закрытые суды, без публики, с одними членами суда. Фрида Майер получила за подозрение в шпионаже 8 лет. Вернулась она с суда возмущенная, собиралась обжаловать приговор. Это уже явное недоразумение, ведь она арестована в связи с «делом» сестры Эллы, а Элла, которую осудили ранее, получила только 6 лет! Она твердо верила, что можно доказать правду и что невиновного не могут наказать. Дина Кабачникова – глухая молодая женщина на 7-ом или 8-ом месяце беременности, любившая рассказывать анекдоты, была уверена, что безобидная болтовня не может повлечь за собой сурового наказания, к тому же ее, беременную женщину, держат в тюрьме только потому, что начальство не в курсе дела. Дина, вызванная в суд рано утром, вернулась в камеру поздно вечером. Мы наивно думали, что с суда она прямо пойдет домой, у порога тюрьмы ее ждал уверенный в этом супруг, но мы ошиблись. Измученная физически и морально женщина нашла в себе силы рассказать нам с юмором о ходе своего «процесса». Когда был объявлен приговор, Дина смотрела на судью, широко улыбаясь, уверенная, что ее освободили. Судья велел повторить приговор прямо на ухо обвиняемой. «Я так громко крикнула: «Мне 10 лет? За что?!», что сама услышала», – рассказывала бедняжка.

Это были так называемые «личные» дела. Постепенно от этих сфабрикованных «дел» камера освобождалась и в нее стали запихивать только членов семьи «врагов» народа. Где-то в конце сентября камера наша так сильно наполнилась (на 8 коек 34 заключенных), что без следящего за порядком человека стало невозможно. Меня выбрали старостой (из-за самого солидного стажа), и я рьяно взялась за укладывание измученных людей с соблюдением максимальной справедливости и гуманности – у многих не было ничего, кроме одежды, в которой их арестовали (на улице, на работе), у некоторых были постельные принадлежности. Мы сымпровизировали сплошные нары, положив снятые с кровати доски между кроватями, и перекрыли все равномерным слоем имевшихся в наличии постелей, получив возможность уложить всех рядом «валетом» – между двумя головами одна пара ног, со строгим учетом стажа заключения: «старики» – ближе к окну (закрытому до самого верха жестяным щитом), а новенькие – к дверям (где стояла параша). Никто не возражал против моих распоряжений, и моя миссия была выполнена отлично, однако в пылу деятельности я сильно ударила коленом левой ноги о железную перекладину (как мне потом

сказали), даже не заметив этого. На следующий день я не смогла встать; колено распухло и нестерпимо болело, не давая шевельнуть ногой. У меня начался гонит, вещь затыжная, поэтому в больницу меня не взяли. Ко мне относились идеально. Дежурная по камере, кто бы это ни был, без какого-либо недовольства брала на себя дополнительные обязанности: бегом выносила парашу, во время утренней оправки принести ее в камеру и подставить мне, убежать по своим делам (я кое-как сползала), вернувшись, забрать парашу и вымыть ее. Не все вахтеры соглашались оставлять камеру открытой из-за того, что я оставалась в ней, а это была единственная возможность проветрить камеру, забитую людьми до отказа. Но никто не роптал. Правда, в то время старостой уже была Тася Папиташвили, которая умела добиваться своего. А меня она опекала особо.

Из-за невероятной тесноты каждую ночь 2-3 человека не спали, сидя на параше и около нее, чтобы дать возможность выспаться остальным. Днем они отсыпались. Почти всегда с дежурившими «полуночничала» и Тася. Ей все равно не спалось: беспокойство о троих детях, оставшихся без присмотра (6, 13 и 17 лет) и страх за горячо любимого мужа (крупного начальника железнодорожного транспорта). Часто женщины просились дежурить вне очереди, лишь бы провести

На Первомайской демонстрации

время с Тасей, умудрявшейся веселить их всю ночь напролет.

Был момент, когда камера наша несколько разгрузилась. Тогда к нам привели бедную польку Жозефину, обсыпанную вшами и страдавшую неукротимым поносом. Протесты наши не помогли, и только через пару дней, со страшным трудом Тася добилась ее перевода в больницу.

Вскоре нас перевели в другую камеру, этажом ниже. Тася и Лолота Вирсаладзе снесли меня вниз на руках. Новая камера соседствовала с туалетом. Стена, примыкавшая к ней, от постоянно открытых 8-ми кранов и, очевидно, неисправных труб, была мокрой. Сырость эта задерживала мое выздоровление. Опустить ногу по-прежнему было пыткой.

Уже давно в камеру к нам приводили женщин, видевших своими глазами результаты допросов. Рассказывали о великом разнообразии и изощренности телесных наказаний, которым подвергали заключенных, не желавших признаваться в несовершенных преступлениях. Лолота была переведена в тюремную больницу из камеры НКВД, так как в результате нестерпимого нервного напряжения она упала в уборной, потеряв сознание. В результате она разбила лицо, черты которого распухли и совершенно расплылись, и тюремные врачи опасались столбняка. Это произошло как реакция ее нервной системы на тот факт, что в течение ряда дней из ее камеры (3 койки – 24 женщины) вызывали одну и ту же несчастную (кажется, Нину Бедиа) на допрос и спустя несколько часов приносили ее на носилках, избитую до полусмерти. Ее отхаживали, приводили в себя, а на следующий день все повторялось сначала, и в конце концов расстреляли. Подобные рассказы наводили ужас и, зная, что «дело» мое не закончено и меня в любой момент могут вызвать на допрос с больной ногой, я проводила бессонные, полные страха ночи, хотя внешне никогда не теряла бодрости.

Однажды меня вызвали на допрос. Вахтер взял меня под руку и я отправилась, прыгая на здоровой ноге. Меня ввели к женщине-следова-

телю, которую я сразу узнала по описанию моих товарок. Это была П. – женщина, наводившая панический страх даже на мужчин. Огромная баба в очках, с полным отсутствием каких-либо человеческих чувств на лице, женщина-машина, не слишком хитрой конструкции. Это она садилась на грудно-брюшную преграду Лизы Гавриш со всего размаху. У Лизы был разрыв этой преграды и мастит от того, что у нее от груди оторвали ребенка (который потом погиб от голода). Это она вгоняла иголки под ногти допрашиваемых.

Машинным голосом, лишенным тембра и модуляций, она мне задавала нелепые вопросы, требуя, чтобы я созналась, что мне была известна «шпионская» деятельность мамы, и тому подобное. Я отвечала очень спокойно, с улыбкой, не проявляя страха перед ее угрозами, на которые она не скупилась. Потом позвала из соседней комнаты НКВД-шника и, указывая на меня, сказала: «Посмотрите на нее: такая молодая, ей угрожает смерть, а она улыбается!», и вызвала вахтера: «Приготовить для нее камеру и спустить ее в подвал после допроса!» Меня охватило полное безразличие и глубокое презрение к этой недостойной комедии. Увидев, что своей бездарной программой она не произвела желаемого эффекта и никаких признаний с моей стороны не последовало, она вызвала того же вахтера и велела ему помочь мне спуститься в камеру со всей осторожностью.

Часть XVI

На пороге моей камеры меня встретили Тася и Лолота, подхватили на руки и уложили на койку. От дружеского участия мое нервное напряжение спало, и я разрыдалась. Вся камера тут же расплакалась. Пришлось взять себя в руки и поспешно объяснять сокамерницам, что меня не пытали, а плачу я от боли в ноге и усталости. Как я впоследствии узнала, они меня уже несколько месяцев ограждали от информации о дальнейшей судьбе Гоги и теперь испугались, что на допросе я об этом узнала.

Тася все время добивалась, чтобы меня взяли в больницу для лечения гонита. Наконец она этого добилась: меня поместили в больницу, где было гораздо больше воздуха и света, питание более приличное. Как-то днем принесли на носилках женщину и уложили на кровать рядом со мной. Она молчала, но глаза у нее были страшные. Она озиралась с видом попавшего в капкан зверя. Когда ее раздели, тело оказалось исполосованным сверху донизу широкими фиолетово-желтосиними полосами. Оказалось, что в тот самый день ее взяли на улице, привезли к следователю и избивали, ничего не спрашивая до тех пор, пока не пришлось ее на носилках нести прямо в больницу. Очень скоро ее забрали обратно. Дальнейшая судьба ее мне неизвестна.

Одно время со мной в палате находилась

Лаврентий Берия

Тина Д. (красавица, жена Володи Д., инженера, строителя электростанций РионГЭС, ХрамГЭС, расстрелянного в 1937 году). Она была, по видимому, одной из главных причин гибели Гоги Элиава, а вслед за ним и мамы. На ней сошлись клином донжуанские интересы Гоги и Берия. Помимо того, что Гоги удалось получить разрешение Сталина на строительство Института бактериофага в обход Берия, помимо открытой критики самодурства Берия в грузинском обществе, чьим любимцем всегда был Гоги, это обстоятельство явилось поводом разделаться с непримиримым врагом.

В палате Тина пробыла недолго, так как соблазнила нашего главврача-гинеколога (на глазах изумленного народа) и в тот же день перекочевала к нему в кабинет, где и пребывала довольно долго.

Находясь в больнице, я узнала страшную правду о Гоги. Навсегда осталась у меня в памяти обстановка той минуты. В противоположном конце большой больничной палаты полулежала величественного вида («Екатерина II») пожилая женщина с седой шевелюрой. Ни прежде, ни после я ее никогда не видела. Громким, уверенным голосом она меня спросила, не знаю ли я что-нибудь о судьбе моей мамы. На мой отрицательный ответ она мне покровительственным тоном сказала: «Не беспокойтесь. Если бы с ней сделали то же, что с вашим отцом, об этом тоже написали бы в газетах». У меня хватило сил спросить, когда это было в газетах, на что она ответила, что в июне-июле. Увидев впечатление, которое на меня произвел разговор и думая, что я волнуюсь о маме, она успокоила: «Не бойтесь, с женщинами этого не бывает», и т.п. Страшный камень лег мне на сердце. Мне казалось, что я опускаюсь в неизмеримую глубину безысходного мрака – всем телом и душой, вот так плашмя, как я лежала. Я ничего не чувствовала, ни о чем не думала. Просто все на свете погасло, и радость исчезла. Остался холодный страх, спокойный, огромный черный страх – не за себя, а вообще... Нет, объяснить словами я этого не могла.

К вечеру того же дня в нашу палату уложили мою однофамилицу с ангиной и очень высокой температурой. Меня сейчас же выписали и отправили в камеру. Встретили меня Лолота и Тася, от них я узнала, что приговор Гоги был объявлен 7.06.37 года, и тете Нине, пытавшейся хлопотать об его смягчении, в тот же день было сказано, что уже поздно. Лолота всю ночь просидела у моего изголовья и шепотом, без перерыва рассказывала народные сказки, а я лежала с широко раскрытыми глазами, ничего не воспринимая, все с таким же черствым сердцем. Под утро у меня поднялась высокая температура и меня без всяких разговоров снова водворили в больницу. Несли меня на носилках – туда и обратно – и оба раза по несколько минут удавалось подышать свежим воздухом, там надо пересекать двор.

Физкультурники с портретом Ф. Дзержинского

Вернулась я в камеру в начале января 1938 года. Родственникам заключенных было разрешено передавать теплые вещи для отправки в дальние края. 10-го я получила передачу – теплые вещи (вплоть до валенок), много простынь на двуспальную кровать. Я их разрезала и больше половины раздала тем, у которых не было ничего. Тюки переданных нам вещей и умиляли нас и огорчали. Ведь все это нам предстояло тащить на себе. Вспоминается, как мы стирали и, главное, как сушили наши вещи. В камере, в основном, температура была летняя. Зимой обогрев происходил за счет скученности, так что в общем, наряды были летние. Как-то весной мне прислали летний халат, из которого Фрида сделала мне сарафан с пелеринкой. Этот сарафан был моей основной одеждой. Стирала я его под краном или в бане, куда нас водили раз в десять дней, и расстилала его на досках моей кровати, покрывая поверх постелью. Наутро у меня был сухой и глаженный сарафан!

Кажется, в начале 1938 года нам стали делать прививку против брюшного тифа. Было сделано по три укола, после каждого из которых поднимались температура и сильные боли в спине, ногах и голове. В самый разгар болезненных явлений нас вели в баню со всеми вещами – несколько этажей вниз по лестнице, а после бани мы тащили наши тюки, прошедшие дезинфекцию паром – мокрые и вонючие – назад в камеру, где мы не могли отдохнуть, пока не высохнет наша постель.

*(Начало смотрите в журнале
«Русский клуб» N 2, 3.
Продолжение следует)*

«Чинчрака». Постановщик М. Туманишвили

ПАТРИАРХИ ГРУЗИНСКОЙ РЕЖИССУРЫ

■ Теймураз АБАШИДЗЕ

Однажды во время встречи студент сказал Президенту США Рональду Рейгану: «Ваше поколение никогда не сможет понять сегодняшнюю молодежь. Мы родились и выросли во времена интернета, компьютеров, космических полетов и т.д...» Рейган ответил: «Правильно, у нас не было ничего этого, поэтому мы все это – изобрели». Это ключевая фраза, позволяющая понять взаимоотношения поколений: одни придумывают, другие – пользуются, поэтому в организованном обществе приоритетны – взаимопонимание, взаимоуважение, взаимодействие.

В «марджанишвили-ахметелевский» период телевидения еще не существовало, а во времена режиссеров Чхартишвили – Алексидзе – Кушиташвили – Туманишвили оно не было достаточно оснащенным технически, поэтому многие их своеобразные, оригинальные произведения не зафиксированы, несмотря на бесспорно высокое качество. Мастера того поколения отличались утонченной театральностью, аристократизмом и универсализмом; сегодняшняя режиссура более динамична, энергична, она более жесткая и зрелищная, но параллельно оттеснила на вто-

рой план теплоту восприятия, актерскую инициативу и индивидуальность.

Батумский театр родился в недрах «Дуруджи» (актерское объединение, созданное в 1924 году в театре им. Ш. Руставели), под личным руководством самого Сандро Ахметели, который выпестовал, «выдрессировал» эту первую труппу, боготворившую ментора и как учителя, и как режиссера, и как личность. Я несколько лет руководил этим театром и подтверждаю, что Батумский театр десятки лет бережно сохранял и ахметелевскую творческую требовательность, и верность его профессиональным традициям, которые Арчил Чхартишвили еще больше углубил и осовременил.

Арчил Чхартишвили (1905-1980 гг.) – один из тех мастеров, которые после изгнания Марджанишвили и гибели Ахметели удержали пошатнувшийся грузинский драматический театр, сохранили его уровень и класс. В отнюдь не длинном списке режиссеров этого поколения Арчил Чхартишвили выглядит особенно рельефно – масштабностью мышления, репертуарной дерзостью, высочайшим уровнем постановок. Писатель – классик американской лите-

Арчил Чхартишвили

ратуры Джон Стейнбек выразил в своих путевых заметках по Советскому Союзу величайшее удивление, что в небольшом портовом городе, где по всем существующим в мире стандартам должны процветать лишь «Варьете» и «Шантаны», он увидел высокую классику – «Царя Эдипа» Софокла в удивительной постановке и прекрасном исполнении.

Для режиссерского искус-

«Медея». Постановщик
А. Чхартишвили

ства Арчила Чхартишвили характерна новизна тематики, привлечение новых авторов, «отеатраливание» интересных литературных сюжетов. Чхартишвили инсценировал и поставил сперва в Батуми, а затем на сцене театра Марджанишвили «Отверженный» Важа Пшавела, где в роли Чонта блестяще выступил юный дебютант – Отар Мегвинетухуцеси; Медея Еврипида в спектакле, поставленном Арчилом Евстафьевичем, была последней «звездной» ролью великой Верико Анджапаридзе. И в этом спектакле дважды выступала гастролирующая в Тбилиси гениальная гречанка Анастасия Папатанасиу.

В период руководства театром Руставели Арчил Чхартишвили создал незабываемый актерский ансамбль в замечательном спектакле «Старые журналы» и первым рискнул инсценировать и поставить «Витязя в тигровой шкуре».

В музыкальном театре имени Васо Абашидзе, который всегда служил как бы местом ссылки неугодных ЦК партии или министру культуры личностей (туда дважды назначали Михаила Чиаурели, а Арчила Чхартишвили – даже трижды), он поставил замечательные музыкальные спектакли – «Сильву» Кальмана, «Роз-Мари» Фримля, «Путешествие по Грузии» композитора Алекси Мачавариани. При всем при том этот великий профессионал – интеллигент и

настоящий мужчина, – обожал охоту, рыбную ловлю сетью, застолье на природе. Внешне был высоким, стройным, симпатичным, в работе – смелым, раскованным, неприятности воспринимал спокойно, с улыбкой, в общении был внимательным, мягким, дружелюбным.

Арчил Чхартишвили оставил свой фирменный, неизгладимый след везде, где работал, вернее, где дали работать, а город Тбилиси должен особенно благодарить его за сочиненное и поставленное им легендарное «1500-летие Тбилиси», за этот грандиозный, сказочный праздник, в котором я участвовал как один из его ассистентов, и поэтому компетентно могу подтвердить восторг и удивление гостей, приглашенных со всех концов мира. Это был триумф постановщика, триумф города, страны, государства.

Арчил Чхартишвили – замечательный режиссер-мыслитель и такой же интересный, нестандартный человек.

Додо Алексидзе школу окончил в Тбилиси, режиссерский факультет в Москве, был сыном известного врача и братом знаменитой балерины – Иры Алексидзе, так что с самого рождения вращался в разнообразной интеллигентной среде. Несмотря на довольно невзрачную внешность – он был маленький, толстенький, абсолютно лысый, на круглом лице выделялся крупный, крючковатый нос с огромными очками, – обладал настолько активной, энергичной аурой, что вокруг него постоянно толпились люди, не потому что имели к нему какое-нибудь конкретное дело, а потому, что хотели общаться с ним, быть рядом, около.

Додо (Димитрий) Алексидзе (1910-1984 гг.) – в 50-70 годах XX века был самой уважаемой фигурой театрального мира Грузии. Он обладал удивительным творческим началом, которое проявлялось везде – на сборе труппы, собрании, репетиции, лекции, в беседе; любая встреча, любой вид общения с ним были спектаклем, который и учил, и развлекал одновременно. Его публичные выступления обычно начинались тускло, стандартно, но в какой-то мо-

мент в нем загорался непонятный импульс, и этот человек будто вспыхивал, будто взрывался, и волны этого «взрыва» с поразительной интенсивностью овладевали залом, аудиторией; с этого момента слушатели, зрители принадлежали ему, и он управлял ими так, как ему хотелось. Ты мог быть совершенно противоположного мнения, других взглядов, вкусов, «хотений», но, несмотря на это, ты огорчался и радовался, протестовал или соглашался с ним, с его аргументами. Заканчивалось выступление, обрывался поток его обаяния, и аудитория вновь индивидуализировалась, возвращалась к собственным взглядам, соображениям, «колдовство» его артистизма развеивалось, испарялось, но оставалась улыбка, оставалась симпатия, и удивление, которое у меня, например, сохраняется всю жизнь.

Я не театральный критик, не исследователь театра, поэтому не стану ни анализировать, ни разбирать его постановки, лишь отмечу – перечень его основных спектаклей указывает на то, что в глубине души этого легкого, веселого, раскрепощенного человека было скрыто истинно трагическое начало. В период с 30-х по 60-е годы прошлого столетия театр имени Руставели осуществил такие значимые спектакли, как «Ламара» Г.

Георгий Товстоногов и Додо Алексидзе

Васо Кушиташвили

Робакидзе по мотивам новелл Важа Пшавела, «Разбойники» Ф. Шиллера, «Загмук» А. Глебова и «Анзор» С. Шаншиашвили – Сандро Ахметели (в 30-е годы), «Царь Эдип» Софокла, «Бахтриони» Д. А. Гачечиладзе по В. Пшавела, «Борис Годунов» А. Пушкина, «Трехгрошовая опера» Б. Брехта с блестящим Мекки-Ножом Рамаза Чиквадзе в постановке Додо Алексидзе (50-60-е годы). Эти спектакли очертили историческую перспективу грузинской классической режиссуры, зафиксировали ее высокий творческий уровень и обусловили эталоны достижений. Это: «Ламара» – «Разбойники» и «Царь Эдип» – «Бахтриони». Поэтому Додо Алексидзе на том историческом отрезке самый успешный режиссер-постановщик этого театра, несмотря на очень сложную и не всегда справедливую к нему творческую судьбу.

Помню, когда Димитрий Александрович предлагал мне быть его ассистентом и сказал: – «Главное в институте – ассистенты. Ассистенты «главнее» всех, потому что они – будущие профессора». Когда он ставил в Сухумском театре «Венецианского купца» (Шейлока играл

Гоги Кавтарадзе), то каждую пятницу уезжал в Сухуми; в театре он уже не работал, оставался только председателем Театрального общества и педагогом театрального института, в субботу, воскресенье и понедельник проводил шесть репетиций, а во вторник уже являлся в Театральное общество и на кафедру. Он очень уставал, ему было глубоко за семьдесят, я работал с ним вторым педагогом и, видя, как ему трудно, как-то сказал: «Зачем вам, Димитрий Александрович, нужна эта каторга?!» Он на меня накричал. Странно накричал... шепотом: «Не могу... Не могу... без репетиции... Не могу». Вот так!!! Его интонацию, его выражение лица помню до сих пор.

Васо Кушиташвили (1894-1962) – или «Мсье Кушита», как его называли в Париже, где он прожил большую часть своей жизни, был наиболее высокообразованным «европеизированным» профессионалом, которого я за свою жизнь встречал в театре, вернее, в театрах. Причем эта образованность очень интересно совмещалась с разносторонней компетентностью, тонким безошибочным вкусом, артистизмом. И все это вкуче создавало интереснейший, уникальный человеческий портрет. Он абсолютно одинаково владел грузинским, русским, французским, немецким и английским языками, обладал легкой, свободной, раскованной манерой общения, и непримиримым неприятием любых проявлений фальши и театрального провинциализма. А провинциализмом считал преувеличенное самомнение, саморекламу, самовлюбленность. Однажды очень известная актриса без конца рассказывала в театре, как ночные воры отняли у нее шубу, а потом, когда она назвала свое имя, вернули отнятое и проводили до дома, «чтобы ее больше никто не обидел». «Мсье Кушита» на другой же день явился в театр с двумя «польтами» и рассказал, как у него отняли пальто, а когда он сказал, что работает в одном театре с вышеупомянутой актрисой – «извинились, проводили до дома, а

на прощание, в виде компенсации, подарили второе пальто».

Многие годы «Мсье Кушита» тесно сотрудничал с выдающимися корифеями европейского театра – Сарой Бернар, Шарлем Дюленом, Жаном Кокто. Он является основателем известного Парижского театра «Ателье». И когда этот театр приехал на гастроли в Тбилиси, то вся труппа во главе со знаменитой Дельфин Сейриг отправилась на кладбище к могиле «Мсье Кушита» и минутой молчания почтила память одного из основателей своего театра.

Василий Павлович был с нашей режиссерской группой недолго, всего один первый семестр, но именно он дал нам ту основу, которую потом развил и углубил наш основной учитель – Михаил Туманишвили. За те полгода, которые он провел с нами, как я теперь понимаю, он применил нестандартную, новаторскую для того времени систему обучения режиссеров – более практическую, наглядную. Он водил нас в театр Марджанишвили, которым тогда руководил, на свои репетиции «Ричарда III», где мы, первокурсники, встречались с корифеями грузинской сцены – Васо Годзиашвили, Верико Анджапаридзе, Медеей Джапаридзе,

«Человек ли он?». Постановщик В. Кушиташвили

другими.

Спектакли Васо Кушиташвили были подчеркнуты «академичными», слегка консервативными по форме, но великолепными по вкусу и сценической культуре. Его постановка «Человек ли он?!» в хрестоматийном исполнении Васо Годзиашвили роли Луарсаба Таткаридзе является классикой грузинского национального театра.

Михаил Туманишвили (1921-1996 гг.) в тот период, когда его назначили нашим педагогом и руководителем группы, был высоким, худым мужчиной с черными-черными усами и такими

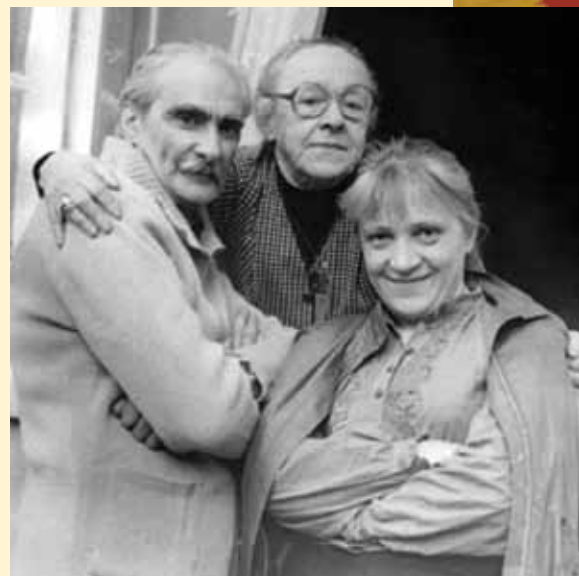

«Бахтриони». Постановщик Д. Алексидзе

же черными, живыми глазами. Со временем он слегка отяжелел, но тем не менее всегда оставался очень подвижным и легким. Михаил Иванович по своей природе, характеру не был сторонником того монументального, героико-романтического стиля, который тогда повсеместно господствовал и являлся фундаментальной концепцией формирования репертуара театра Руставели; постановки Туманишвили стали тем переходным мостом, который соединил исчерпавшую себя стилистику с той актуальной, более разнообразной и гибкой моделью, которая, наконец, заменила господствовавшее однообразие и утвердила то открытое, свободное, раскрепощенное взаимодействие с автором, с пьесой, с театром, с режиссером, со зрителем, существующее по сей день. За что

сегодняшний грузинский театр должен сказать ему искреннее «СПАСИБО».

Несмотря на то, что Михаил Иванович Туманишвили всю Великую Отечественную войну прослужил в кавалерии, характером он не был «гусаром». По своим внутренним склонностям он скорее тяготел к камерному, психологическому театру и был категорическим «отрицателем» всех и всяческих междоусобиц, насильственных внутритеатральных столкновений, которыми полна история этого театра. И хотя в грандиозном «междусобойчике», затеянном против Додо Алексидзе, его позиция фактически была нейтральной, после освобождения Алексидзе его пост ненадолго занял Туманишвили, но вскоре был вынужден навсегда покинуть этот театр. К счастью, этот небольшой отрезок времени и должность он в основном использовал, чтобы «активизировать» так называемый «малый» Театр Руставели; именно Михаил Иванович сформулировал оригинальную стилистику «Малого зала», обосновал его идеологию, сформировал отличный тип режиссерско-актерского творческого подхода и оставил нам два великолепных разнохарактерных образца – «Чинчрака» и «Антигону» Ануя, которые стали камертоном в новейшем руставелевском репертуаре. Это время, несмотря на то, что внутренняя напряженность в театре все более и более возрастала, творчески для Михаила Ивановича было очень плодотворным. Ему удалось убедить, что язык спектакля должен стать многоплановым, разнообразным, что обновления требует язык художника, композитора, а также «драматургический язык»; особенно масштабно ему удалось продемонстрировать это в спектакле «Именем «Молодой гвардии» (пьеса Мераба Гегия), поставленном в театральном институте. После этой постановки его экспериментаторство стало еще более целенаправленным, дерзким, а после перехода в Театр киноактера, который теперь носит его

Михаил Туманишвили, Сесилия Такашвили и Наталья Крымова

имя, и который был открыт специально для него, его другом и однокурсником, замечательным человеком и министром кинематографии Грузии – Акакием Арчиловичем Двалишвили, полностью переключился на экспериментальную работу. Он создал театр, которого действительно не доставало в панораме театров Тбилиси, и воспитал целую плеяду действующих мастеров сегодняшнего грузинского театрального искусства.

Эти мои воспоминания касаются самых значительных, высокорезультативных грузинских театральных руководителей, людей, чья творческая судьба, история жизни, по логике, должна была соответствовать их умениям, успехам, достижениям, но на деле... Арчил Чхартишвили завершил свой творческий путь в Филармонии постановщиком скетчей, мизансценируя входы и выходы артистов эстрады. Додо Алексидзе возглавлял «половинку» своей бывшей кафедры и ездил репетировать в Сухуми, а Васо Кушиташвили (Мсье Кушита), вынужденный уехать из Тбилиси, руководил грузинской «половинкой» сухумской труппы. Что касается реформатора и новатора Михаила Туманишвили, то ему пришлось уйти из академического театра им. Ш. Руставели – он создал новый театр, Театр киноактера, который сегодня носит его имя.

Петр Ильич Чайковский

«ТЕАТР П.И. ЧАЙКОВСКОГО» – В ТБИЛИСИ

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

«Что за чудная страна! Будь я помоложе, я устроился бы здесь навсегда!», – эти строки письма Петра Чайковского, содержащие признание в любви к Грузии, знакомы многим. И в первые весенние дни нынешнего года, во время открытия выставки, посвященной композитору, они вновь всплыли в памяти...

Еще в 2016-м в Тбилиси был задуман интересный, познавательный проект – выставка, посвящается театральным постановкам по произведениям Петра Ильича Чайковского. Ее инициаторы и организаторы – две стороны: Государственный музей театра, музыки, кино и хореографии Грузии и Государственный дом-музей П.И. Чайковского – музей в городе Клин Московской

области. Через год блестящая идея нашла наконец свое воплощение – передвижная экспозиция «Театр П.И. Чайковского» была развернута в любимом горожанами Дворце искусств, как иногда называют Музей театра, музыки, кино и хореографии. К сожалению, на выставке были представлены не оригиналы, не подлинники, а копии, точнее, искусно выполненные постеры, основанные на материалах из коллекций Государственного музея-заповедника П.И. Чайковского и рассказывающие о постановках опер и балетов композитора, его фотографии. Тбилисская культурная инициатива – часть обширного концертно-выставочного проекта «Театр П.И. Чайковского», приуроченного к его 175-летию. Автор проекта – веду-

щий сотрудник Клинского музея, доктор искусствоведения, музыковед Полина Ефимовна Вайдман (недавно ее не стало).

– Выставка «Театр Петра Ильича Чайковского» представляет в хронологической последовательности все сочинения композитора, созданные для театра, – рассказала главный хранитель фондов музея Татьяна Шаповалова. – Особое место занимают отечественные интерпретации опер и балетов Чайковского, ставшие знаковыми в истории музыкального театра. В экспозиции – дирижерские партитуры опер, материалы и документы неосуществленных замыслов, эскизы декораций, костюмов, выполненные знаменитыми художниками, сами театральные костюмы, а также макеты. Нам очень хотелось привезти все это в Грузию, в Тбилиси. К сожалению, пока такой возможности нет из-за отсутствия дипломатических отношений между нашими странами. Главный хранитель фондов Музея театра, музыки, кино и хореографии Грузии Ирина Моисцрапишвили предложила интересную идею, которую можно реализовать в перспективе, – совместный проект двух музеев. Конечно, хочется сделать полноценную выставку «Театр П.И. Чайковского», основанную на подлинных документах. Тбилисский музей обладает действительно уникальными материалами, они могли бы дополнить нашу экспозицию, и это может быть замечательный, масштабный проект.

– Когда еще год назад в Тбилиси приехали представители Клинского музея Чайковского, им очень понравились наши материалы, связанные с этим великим именем, – рассказала Ирина Моисцрапишвили. – И у гостей возникла мысль привезти к нам свою выставку. Конечно, то, что представлено, – это не оригиналы, но сотрудники музея Чайковского создали очень компактные, информативные, продуманные коллажи, в которых всесторонне представлен каждый спектакль. У нас есть надежда, что в буду-

щем, когда позволят экспозиционные площади, мы организуем совместную выставку. Ведь в нашем музее действительно хранится огромное количество экспонатов, связанных со спектаклями, поставленными на музыку Чайковского. Их хватит на три зала! Ведь наш театр оперы и балета им. З. Палиашвили на протяжении долгих лет, ежегодно, выпускал оперные и балетные спектакли по произведениям Петра Ильича.

– Как и Петр Ильич, я совершенно в восторге от Тбилиси, от людей, которые здесь живут, от здешнего климата и красоты природы, от вкусной кухни, – поделилась впечатлениями директор музея Чайковского Галина Белонович. – Приятно общаться со своими коллегами из Грузии, обмениваться с ними опытом. Мы знаем, что они мечтают о расширении площадей, что рядом с музеем есть здание, которое, я надеюсь, в скором времени будет передано нашим грузинским друзьям, и тогда будут расширены выставочные площади. Тогда и у нас появится возможность привезти сюда подлинные театральные костюмы. Ведь мы обладаем большой коллекцией костюмов, среди них много работ известнейших театральных художников, которые работали в крупнейших театрах мира. Сможем привезти эскизы костюмов и декораций, подлинные рукописи Чайковского, его дневники, другие бесценные документы. Так что нынешняя экспозиция – это лишь пробный шар. Кстати, в июне в столице Казахстана Астане будет открыта выставка из собрания нашего музея, пройдет Десятый международный юношеский конкурс имени композитора. Наш музей – один из его учредителей и организаторов. Еще раньше – в апреле-мае нынешнего года в Клину пройдет традиционный музыкальный фестиваль, приуроченный ко дню рождения Петра Ильича.

– В представлении многих музей – это нечто застывшее и неизблемое. Так ли это на самом

деле? – задаю вопрос главному хранителю музея Татьяне Шаповаловой.

– Начну с того, что наш музей уникален сам по себе. Дело в том, что это фактически квартира, оставленная Петром Чайковским, и его родственники приложили максимум усилий для того, чтобы увековечить память композитора. К сожалению, дом, в котором сейчас находится музей, не принадлежал Петру Ильичу. Он был построен как загородная дача, которая время от времени сдавалась. Композитор стал арендовать этот дом в Клину в 1891 году. Фактически это его последний адрес. Хотя на клинской земле он поселился намного раньше. Жил в городских усадьбах в окрестностях Клина. В его распорядке дня были длительные прогулки: Чайковский черпал вдохновение в природе. Петр Ильич присматривался к этому дому, он ему нравился, и когда дом освободился, композитор его арендовал. Он считается домом Шестой симфонии. Потому что именно здесь было полностью написано это сочинение. Оно было оркестровано, в Клину проходили прослушивания, и из этого дома Чайковский уехал в Петербург дирижировать премьерой Шестой симфонии и уже не вернулся обратно: скоропостижно скончался. Поэтому дом остался в нетронутom виде. Мы считаем основателем дома-музея брата композитора Модеста Ильича Чайковского. Разумеется, он не один принимал участие в создании музея и приобретении этого дома. Тем не менее именно Модест Ильич – основатель нашего музея. Сразу после кончины Петра Ильича он пишет слуге Чайковского Алексею Софонову, которому композитор оставил по завещанию все свое движимое имущество (авторские права Чайковский завещал своему племяннику), что дом необходимо выкупить. И он был приобретен на имя слуги... Когда Чайковского спросили, почему он завещает все свое движимое имущество слуге, Петр Ильич ответил: «Алексей настолько избалован, что не

сможет нигде служить!» Конечно, их связывали дружеские отношения. Тем более, что Чайковский не мог заниматься бытовыми вопросами, которые его тяготили. Все это было в обязанностях Алексея Софонова...

Датой основания музея Чайковского считается 9 декабря 1894 года. Но на самом деле он существовал гораздо раньше. Была сделана пристройка, в которой жили Модест Петрович и племянник композитора Владимир Львович Давыдов, чтобы не нарушать мемориальность личных комнат композитора.

В 1916 году по завещанию М.И. Чайковского музей перешел в ведение Московского отделения Русского музыкального общества, с условием, что он будет сохраняться и поддерживаться. Тогда же ответственность за сохранение и приумножение раритетов Клинского центра по

Сценические костюмы из коллекции музея

рекомендации Модеста Ильича взял на себя первый директор музея Николай Тимофеевич Жегин – знающий, опытный человек, обладающий удивительной стойкостью и преданностью своему делу. С огромным трудом ему удалось собрать музей и его коллекцию в смутные революционные времена. Николай Жегин внес огромный вклад в комплектование музея. В этот период очень многие артисты, музыканты считали своим долгом передать личные фонды нашему музею.

Как сообщают источники, на протяжении многих лет существования в музее исторически сложились и продолжают формироваться фонды рода Чайковских-Давыдовых, русских музыкантов из окружения П.И. Чайковского.

Сегодня музейное собрание насчитывает около 200 тысяч предметов. На территории музея находится административный корпус, включающий в себя концертный зал, два выставочных зала, архивный фонд и аудиотеку.

Как рассказала Т. Шаповалова, в музее ведется очень актив-

ная выставочная деятельность.

– Ежегодно осуществляются различные крупные выставочные проекты, проходят межрегиональные выставки. В октябре 2015 года в музейно-выставочном комплексе «Новый Иерусалим» прошел юбилейный литературно-музыкальный вечер по письмам и дневникам П.И. Чайковского. В программе вечера было открытие выставки «Театр Петра Ильича Чайковского» и концерт «Грани Чайковского». Проводится большая экскурсионная работа. Сейчас интерес к культуре, в том числе музейной, повышается, и это очень ощутимо. В нашем концертном зале на 300 мест удивительная акустика, здесь проходят концерты и фестивали Чайковского, к нам приезжают известные музыканты.

Напомним, что Центр российской культуры в Грузии и МКПС «Русский клуб» выпустили в разное время два издания, посвященные Петру Ильичу Чайковскому, довольно длительному и плодотворному периоду его пребывания в Грузии. В 2000 году появилась книга «Петр Чайковский в Грузии» Гулбата Торадзе, а в

2014-м в серии «Русские в Грузии» – «Полтора дня Петра Ильича» Владимира Головина. На открытии выставки в Тбилиси директор театра имени А.С. Грибоедова, президент «Русского клуба» Николай Свентицкий передал эту книгу в дар российским гостям и обратился к ним с теплыми словами приветствия. Руководители музея Петра Ильича, в свою очередь, подарили «Русскому клубу» уникальное, ценное издание – «Театр Петра Ильича Чайковского», в которое вошли материалы и документы из коллекции Клинского музея. Книга богато иллюстрирована. В ней цитируются письма, дневники П.И. Чайковского и воспоминания о нем современников.

НЕЗНАКОМКА СО СТАРОЙ ДАЧИ

■ Евгений КОЖОКИН

Публикуемые в этой книге сочинения попали ко мне в руки вместе со старой дачей, которую я купил по случаю. Дача – это символ неюного возраста и упорядоченного образа жизни. Приезжаешь к человеку на дачу и очень многое о нем узнаешь, в том числе то, что он о себе не рассказывал и не хотел рассказывать, а, возможно, это «много» включает в себя и то, в чем сам себе хозяин подмосковного счастья не признавался и о чем даже не подозревал. У многих в России дача превратилась в культ.

В общем, я тоже пал, поддался всюду торжествующей буржуазности и время от времени интересовался у знакомых, не продают ли они загородную собственность; дошла очередь и до Интернета. И вот случайное объявление в сети привело

меня на старую дачу в дальнем Подмоскowie. На калитке и воротах висели замки, но на гудки моей машины и мой несмелый зов вышла хозяйка. Сквозь усталость проглядывали черты необыкновенной красоты.

В руке у нее была связка вычурных, неправдоподобно массивных ключей, но они не потребовались, замок на калитке, своим видом и возрастом достойный пребывания в провинциальном музее, оказался открытым.

Копна каштановых волос со змейкой седины над матовым лбом – особенно украшала Незнакомку. Имя я не решился спросить.

Она обратилась ко мне, словно я не покупатель, а гость – предложила осмотреть сад, а потом уже дом.

Дорожка то пропадала в

клевере, то проступала переливами тщательно уложенных один к одному камней. Помимо гранита, песчаника, желтоватого с красными прожилками местного дичка встречалась явно отшлифованная морем, причудливых цветов галька. Судя по ее разнообразию, это был не признак богатства (не по спецзаказу самосвалом), а чудачества любителя (неужели любительницы?), из путешествий привозившего понравившиеся камешки с пляжей далеких морей.

На запущенных цветниках соседствовали валуны, полевые ромашки, земляничник, розы, кусты рододендрона, анютины глазки и фиалки.

За раскидистыми яблонями скрывались густые заросли облепихи, а небольшая аллея кедровых сосен вела к малень-

кому двухэтажному сруб, густо увитому плющом.

Еще не осмотрев дом, я решил, что выложу последние, но куплю эту чудную дачу.

Осмотр затянулся, смеркалось...

Я поглядывал на Незнакомку с почтительным изумлением.

Она двигалась легко и бесшумно.

Сумерки меняли облик дома. Тени расширяли объемы.

Я со страхом подумал – неужели сейчас начнет зажигать свечи. Они были очень уместны и очень небезопасны. Но свечей не было ни на первом, ни на втором этаже. Незнакомка

включала лампы, светившие сбоку, снизу и только в просторной каминной сверху.

– Поздно. Оставайтесь, я вас угощу чаем.

Я подыскивал правильные слова, она, не дожидаясь ответа, продолжила.

– Я вас уложу на втором этаже, на палубе, – и с простой естественной интонацией добавила, – простите это мне стало неинтересно, поэтому, пожалуйста, на второй этаж. Там спокойнее.

Я зашелся в кашле, получил граненый стакан студеной воды и фарфоровую чашку цветочного чая и ушел на второй этаж.

Свет не выключал и долго

смотрел на позолоченного Будду. Ночь еще не полностью вступила в свои права, и электрическое однообразие подправляли последние отблески уходящего дня. Лицо Будды менялось, проступали то мужская, то женская сущность, глубинная бесстрастность вдруг отступала, и он начинал пристально всматриваться в меня.

Напротив него стояла на полу терракотовая, почти в пояс вышиной скульптура мадонны с младенцем. Раскосые глаза, продолговатые, беззащитно обнаженные головы обоих... Последний луч заглянул в деревянную залу (причудливое пространство со стропилами-колоннами нельзя было назвать комнатой), взгляд Будды перешел на глиняный лик мадонны. Луч скользнул по ее лицу, перед тем как тень укрыла фигуру, я ощутил, что матушка с младенцем изучающее смотрят на меня.

«Высокое искусство», – пытался я успокоить самого себя.

– Вам не страшно? – вдруг раздался голос Незнакомки, она стояла в проеме лестницы в ярко красном, восточного типа одеянии. Будда и мадонна сразу же успокоились и приняли нормальный, неживой вид. – В доме нельзя курить, а пить, пожалуйста. В руках у нее был стеклянный поднос с двумя рюмками на неправдоподобно высоких ножках и красного цвета графин. – Местная наливка... черноплодка, не помню, на чем...

Я приподнялся на локтях...

– Не вставайте, римляне пили лежа.

На ее тонкой смуглой руке качнулась голова змеи с открытой пастью и жалом. Раньше этого браслета не было. Браслет был золотой и очень тонкой работы, жутковатый в своей опасной и пронзительной экспрессии он приковал бы внимание на дипломатическом приеме или званом ужине, но ночью на уединенной старой даче...

Вместе с Незнакомкой на второй этаж поднялся тонкий, чуть ощутимый аромат, напо-

нивший мне Шанель мадемуазель Коко.

Я выпил густую, пряную настойку, она символически пригубила, не испив ни глотка.

– Вы не пьете? – спросил я и инстинктивно протянул руку...

Она повела взглядом в сторону портрета, стоявшего на полу.

– Это мой муж, – сказала она, будто представила еще одного запоздавшего участника вечерней встречи.

Портретный мужчина был без возраста и национальности, но явно с характером. Офицер спецназа, гангстер, именно гангстер, а не бандит, или капитан дальнего плавания?

Пока я рассматривал портрет слишком пристально, Незнакомка бесшумно поднялась и спустилась вниз.

Теперь я почувствовал себя уже совсем окруженным и пронизанным настороженным вниманием. Так это же сверхчувствительные сканеры – мелькнула странная мысль в моей совсем не технологической голове.

Дачу я купил и внимательнейшим образом изучил уже без сопровождения загадочной Незнакомки.

Спустя месяца два, прогуливаясь в окрестностях Можайска вблизи Лужецкого монастыря, я увидел молодого мужчину в ковбойской одежде, а с ним женщин в длинных клетчатых юбках с передниками. Троица будто сбежала со съемок американского фильма про ковбоев... Вдруг поднялся ветер, и копна каштановых волос буйным нимбом охватила голову одной из незнакомок. Я тут же ускорил шаг и последовал за молодыми людьми... Преследование привело меня на ферму, где сидели ирокезы со славянскими лицами, курили трубки мира и не трогали скальпы прохаживавшихся рядом ковбоев и их подруг. Но в этом экзотическом обществе моей Незнакомки не было. А шатенка с копной

оказалась миловидной девушкой, сбежавшей на week-end от офисной рутины.

И все-таки я ее встретил. Она стояла посреди зала на выставке. Что проходила на Винзаводе и рассматривала картину «Гонец» Натальи Нестеровой...

– Извините, – без приветствия обратился я к незнакомке. – Я на даче обнаружил рукописи, одну про события X века я успел прочитать. Что это за рукописи? Наверное, они очень ценные, и я должен вам их отдать.

Незнакомка небрежно-кетливо махнула рукой: – Давайте с ними, что хотите.

Потом мило улыбнулась и уже немного грустно продолжила: «Работа экспедиции завершена. Я возвращаюсь. Контакт признан временно..., – вздохнула, – временно... на сто, двести, тысячу лет... не знаю, в общем, признан нецелесообразным. А вы спрашивали про рукописи? Мы сканировали сознание людей. Получили огромный массив информации, мы знаем, как ее обрабатывать и изучать. Но мой муж был влюблен в вашу планету, он потерял беспристрастность и объективность, поэтому его отозвали... Он хотел суть обнаруженного нами передать вам, землянам, искал форму. Рукописи – это следы его поиска...»

Потерянный от столь нетривиального ответа, я пробормотал:

– Я должен поговорить с ним. Подождите, там написано о временах князя Владимира, да собственно и о нем самом. Много.

– Ну и что. Вы про Вечного жиды слышали. Мой муж – он и есть настоящий Вечный жид.

Я совсем потерялся. Незнакомка говорила с доброжелательной улыбкой, без позы и аффектации, по-домашнему.

– А поговорить с ним не получится. Он улетел, ему сказали, и он улетел. Домой.

Помолчала и грустно добавила:

– А я осталась. Мне сказали, что надо еще поработать. Вот и работаю. Вам нравится?... – она обернулась к картине. – Но и мне осталось недолго. А жаль...

Мы здесь слишком оземлянились. Конечно, вы очень агрессивны и глубинно иррациональны. У вас иное представление о наслаждении жизнью... Но у вас есть шанс. И маленькие дети – настоящие ангелочки. В последнее время я работаю детским врачом. И вчера на приеме у меня был мальчик четырех лет. У него нарывал большой палец на руке. Надо было сделать надрез, почистить и продезинфицировать. Я ему побрызгала пальчик и говорю: – Будет не больно! Когда все закончилось, я наложила повязку, а он мне говорит так серьезно: «Было больно. В следующий раз будешь обманывать, я пожалуюсь в полицию». Да-да, у вас есть шанс.

– Так что делать с рукописями? – тупо повторял я свой вопрос.

– Наверное, пусть их прочтет этот мальчик. Я хочу, чтобы вы чувствовали и знали, что вы не одиноки..., не совсем одиноки в этом, в этом... страшном космосе.

Еще раз приветливо махнула рукой и нас разъединила сплоченная группа китайских экскурсантов. Среди одинаково правильных лиц вдруг мелькнуло знакомое мне лицо Будды, а за ним косо и быстро взглянула на меня соседствовавшая с ним матушка со взрослым младенцем. «Охранники-хранители?» – я спросил сам себя. На секунду остановился...

Незнакомка исчезла.

Никогда не интересовался ни астрономией, ни космическими путешествиями. А с того выставочного дня будто заболел. Даже созвездия научился различать на ночном небе.

Как-то разглядев неяркие звезды созвездия. Волосы Вероники, вспомнил ее имя. Вероника, наверное, уже улетевшая Домой.

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Стихотворения

Я ТОСКУЮ ПО ТБИЛИСИ
 Я тоскую по Тбилиси,
 по глазам его огней,
 по его тяжелолестью
 и по легкости теней,
 по балкончикам, висящим,
 словно гнезда, над Курой
 по торговкам, голосащим
 над сочащейся хурмой,
 по глядящей простодушно
 в любопытстве, не в тоске –
 вверх торماشками индюшке
 у красавицы в руке,
 по прохладе горных храмов,
 где немного постоишь
 и поймешь, что ты, как мрамор
 жилку вечности таишь,
 по кутилам Пиросмани,
 что устали продолжать,
 но гостей не перестали
 внутрь клеенок приглашать,
 по художникам свободным,
 по компании большой,
 по сапожникам холодным,
 но с горячею душой,
 по стоящему красиво,
 с голой грудью, в забытьи,
 Бонапарту с кружкой пива
 на стене в «Симпатии»,
 и по надписи, не страшной
 никому давным-давно
 над гортанным хором в хашной:
 «Громко петь запрещено!»
 Я тоскую по Тбилиси,
 по домам, чей срок на слом,
 по лихому остромыслию –
 ну хотя бы за столом,
 по Отару, по Тамазу,
 по «Давльот!», «Алаверды!»,
 по горбату томату
 на лице у тамады,
 по Симону и по Гогле,
 будь земля для них легка!
 Как они сейчас продрогли
 под землю без глотка.
 По Гюльнаре, по Этери,
 с осторожной их игрой,
 по малиновой метели
 у курдянки под метлой.
 Я тоскую, как по дому,
 по Тбилиси давних лет,
 по себе по молодому
 с той, которой больше нет.

ЗЕМЛЯ ГРУЗИН
 Земля грузин, ты так мала!
 Не тыщевеерстным протяженьем
 могуча ты, – а притяженьем
 и человека, и орла.

С любой фальшивой высоты,
 с любого скакуна и клячи,
 из неудачи, и удачи
 меня притягиваешь ты.

Земля грузин, ты так сильна,
 что мощью внутреннего гула
 Галактиона из окна
 к себе смертельно притянула.

Не умещааясь в жестких догмах,
 передо мной вознесена
 в неблагонравных, неудобных,
 святых и ангелах стена.
 Но понимаю,
 пряча робость,
 я,
 неразбуженный дикарь,
 не часть огромной церкви – роспись,
 а церковь – росписи деталь.
 Рука Ладо Гудиашвили
 изобразила на стене
 людей, которые грешили,
 а не витали в вышине.
 Он не хулитель, не насмешник,
 Он сам такой же теркой терт.
 Он то ли бог,
 и то ли грешник,
 и то ли ангел,
 то ли черт!
 И мы,
 художники,
 поэты,
 творцы подспудных перемен,
 как эту церковь Кашуэты,
 размалевали столько стен!
 Мы, лицедеи-богомазы,
 дурили головы господ.
 Мы ухитрялись брать заказы,
 а делать все наоборот.
 И как собой ни рисковали,
 как ни страдали от врагов,
 богов людьми мы рисовали
 И в людях
 видели
 богов!

Евгений Александрович Евтушенко

Дорогой Зураб!

Я продолжаю очень тосковать по Грузии. У меня проблемы со здоровьем. Не хочу углубляться. Пока еще не все до конца выяснено. Тем не менее, друзья поэзии в России хотят отметить как-то мое 85-летие этим летом по факту – хотя в паспорте стоит дата рождения 1933 год, на самом деле я родился в 1932-м 18 июля. Но в России мне трудно планировать, тем более, что это связано и со здоровьем. Но если есть возможность побывать в Грузии, как ты думаешь, возможно ли будет приехать с Машей, хотя бы сугубо частным порядком или это будет неуместно в данной обстановке? Действительна ли твоя виза, выданная мне на 50 лет?

Женя.
Январь 2017 г.

*Из письма Евгения Евтушенко
Зурабу Абашидзе*

Памяти Евгения Евтушенко

Последний «шестидесятник», он ушел к ним, к своим. Дверь закрылась. Вместе с ним безвозвратно ушла эпоха.

Все время вспоминаю наши разговоры, какие-то подробности, детали, случаи. Например, как целый вечер читал у меня на кухне стихи. Не свои. Других поэтов. И как восхищался чужими стихами. Или смешное. На ленинградском рынке, куда мы отправились за зеленью, подвыпивший мужичонка пошел прямо на него, раскинув руки для объятий, радостно и во весь голос спрашивая: «Хотят ли русские войны?!» Люди вокруг узнали Евтушенко, во все глаза смотрели, смеялись. Он тоже смеялся и был счастлив. Репетиции и спектакль в Театре Ермоловой «Благодарю вас навсегда!». Герой – постаревший Д'Артаньян, его замечательно играл Владимир Андреев. История о том, как молодые энергичные люди положили свою молодость в борьбе за чьи-то подвски и не заметили, что пропустили нечто более значительное, главное.

Наша последняя случайная встреча в аэропорту Шарля де Голля в Париже, когда он тихо, почти шепотом, спросил: «Как ты сумела узнать меня?! Меня ведь узнать невозможно, так я изменился!»

Но тогда, в 2001 году, в театре

шли репетиции, спектакль был на выпуске, и для журнала я подготовила материал – беседу с автором пьесы. Сейчас, когда стало известно, что Евгений Евтушенко просил похоронить его в писательском поселке Переделкино, рядом с Борисом Пастернаком, мне хочется привести его слова из той беседы. Помню, я тогда очень старалась сохранить его интонацию, ритм, повторы, паузы. В какой-то степени, мне кажется, это удалось: «Я вот что хочу вам рассказать. Когда-то... давно... я видел... Я шел с одной девушкой по улице и увидел... Был большой снегопад... Плавно падали хлопья... Неожиданно я увидел Пастернака, идущего с Ольгой Ивинской, которая только что вышла из тюрьмы, где она просидела четыре года. Мы с моей девушкой прижались к дому. Это было на улице Горького...

Он... знаете, так забегал вперед ее лица и целовывал снежинки... с ее ресниц, со щек... забегал вперед, чтобы видеть ее всю, все лицо, а не только в профиль...

И тогда я прочитал своей девушке из Пастернака:

Ты так же сбрасываешь платье,
Как роцца сбрасывает листья,
Когда ты падаешь в объятие
В халате с шелковой кистью.

«А сколько лет ему тогда было?» – спросила меня девушка. И после моего ответа задала еще вопрос: «А ты тоже будешь любить меня и в старости?» Конечно, я ответил утвердительно. Понимаете, он... Борис Леонидович...

Я... я не видел Пушкина, но представляю его себе. У них, у обоих, что-то было не только в стихах, но и в поведении, в характере. Что-то большее. Грация души... Пастернак, между прочим, был очень грациозным! Он двигался грациозно. Он чуточку прихрамывал. Но и это было как-то грациозно.

Он вообще легко двигался по жизни. Почти балетно. Вы знаете... В нем была врожденная... не легкость мышления, нет... а легкость движения по жизни, какая была у Пушкина. И я как-то Пушкина представляю по Пастернаку. Хотя это совершенно разные поэты. В Пастернаке был этот солнечный «пушкинский» зайчик. Да, солнечный зайчик... даже в самые трагические дни.

В Пастернаке был этот солнечный «пушкинский» зайчик. Да, солнечный зайчик... даже в самые трагические дни. Я и Д'Артаньяна таким вижу – с солнечным зайчиком внутри даже в конце жизни».

Лана ГАРОН

Евгений Евтушенко

Выражаем нашу глубокую сердечную боль в связи с кончиной блестящего русского поэта современности, искреннего и горячего друга Грузии, Евгения Александровича Евтушенко. И как соответствует большому поэту, он, в первую очередь, был великим человеком: мудрым, человеколюбивым и всегда ценил достоинство другого человека. Он не раз своими стихами согревал Грузию и своих грузинских друзей. Любил приезжать сюда, где друзья и поклонники его таланта всегда встречали с радостью и большим уважением. Евгений Александрович восхищался грузинской поэзией – в молодости вместе с друзьями-поэтами Беллой Ахмадулиной и Андреем Вознесенским, они перевели стихи многих грузинских поэтов.

В Грузии он создал не один свой шедевр. В интервью, данном грузинской газете, поэт сказал: «Однажды, когда я отдыхал в Гагра, я написал поэму «Сибирь». А когда я нахожусь в Сибири, пишу стихи о Грузии, это наверное потому, что я люблю оба этих уголка. Я родился в Сибири, а Грузия является моей поэтической колыбелью...». Здесь же он с теплотой вспоминал: «Для меня Грузия и Тбилиси – святые места, потому, что здесь «ступают» тени титанов грузинской поэзии – Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе, Симона Чиковани... Они с такой любовью приняли меня, еще несостоявшегося, незрелого молодого человека из Сибири, благословили, вдохновили и поделились своей огромной душевной добротой. Эти взаимоотношения меня возвысили, я благодарен им и всей грузинской поэзии».

Это первое соприкосновение с грузинской душой навеки осталось в сердце поэта и позже родились прекрасные строки:

О Грузия, – нам слезы вытирая,
Ты – русской музы колыбель вторая.
О Грузии забыв неосторожно,
В России быть поэтом невозможно.

Сердечные, дружеские отношения у Евгения Александровича были с грузинскими писателями и не только с ними. У него была душа рыцаря! Отзывчивый и теплый человек. Чудесные, братские отношения связывали его с Чабуа Амирэджиби. Их встречи всегда были красивыми и интересными для всех, кто находился в тот момент с ними...

В стихотворении, написанном давно, «Пролог» есть такие строки:

И если я умру на белом свете
То я умру от счастья, что живу.

Причудливые слова, но как они отражают сущность поэта! Этими словами он предсказал свое бессмертие!

Евгений Александрович Евтушенко (а для друзей просто Женя) будет вечно жив в памяти грузин, любящих поэзию.

От всего сердца приносим соболезнования семье поэта, друзьям и его родине.

Светлая память Евгению Александровичу!

Тамар ДЖАВАХИШВИЛИ-АМИРЭДЖИБИ

20 апреля, 2017 года

Грузия потеряла верного друга, легендарного поэта – Евгения Евтушенко. Уходя из жизни, гении оставляют духовное богатство... У меня были встречи с поэтом каждый раз, когда он приезжал в Грузию. Неизменно он выказывал свою любовь к нашей стране и ее народу.

Он был примером дружбы, верности и порядочности.

Вечная память! Пусть ему земля будет пухом!

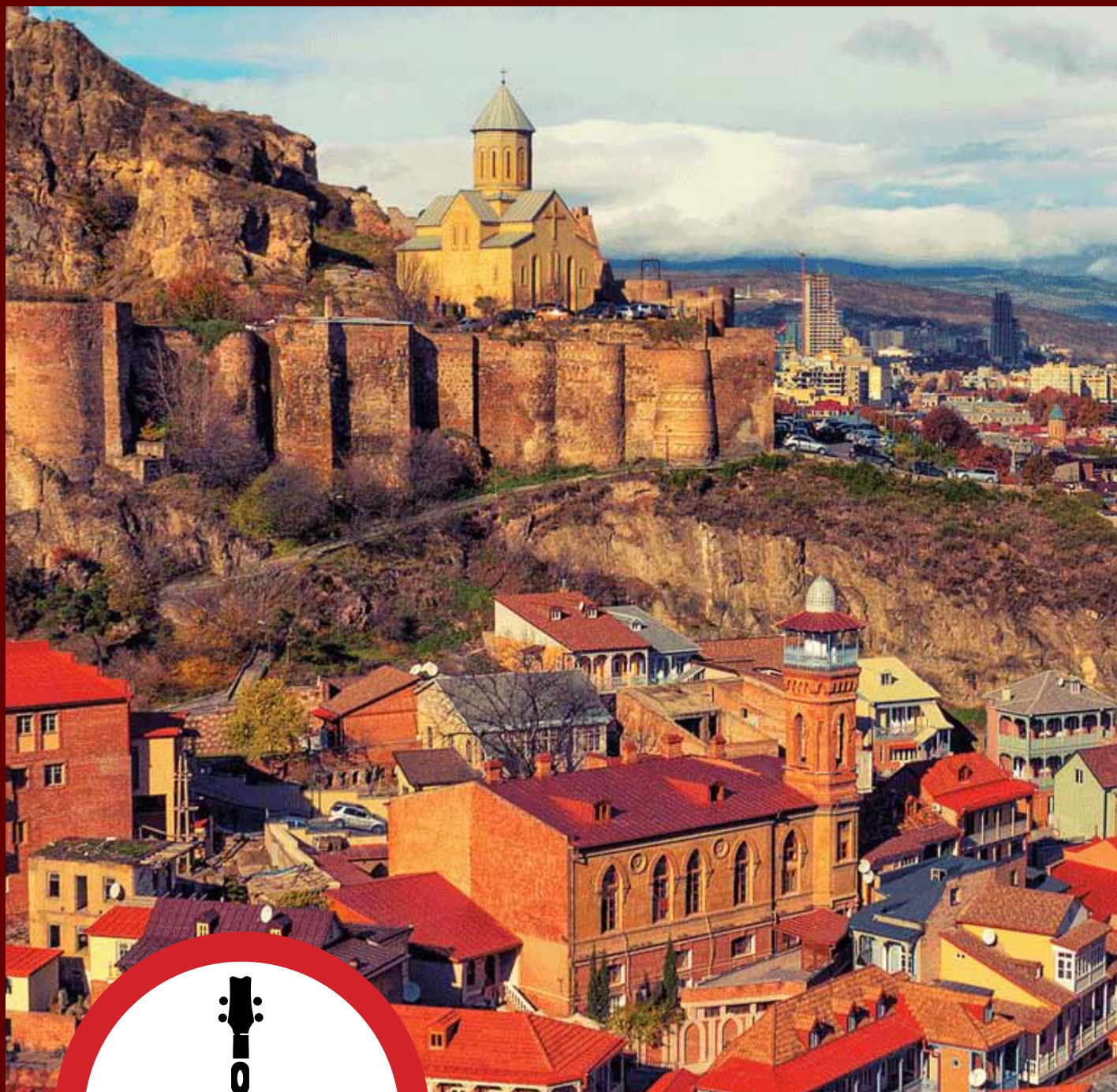
Грузинский народ глубоко скорбит и выражает соболезнование всей интеллигенции России, семье и друзьям любимого поэта.

Ия КВАТАДЗЕ

Женская, общественно-благотворительная ассоциация «Эртоба»

Ушел последний поэт из славного поколения шестидесятников. Но у его поэтического наследия впереди долгая жизнь. Новые поколения читателей будут вновь и вновь открывать для себя уникальный мир поэзии Евгения Евтушенко.

Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб» выражает глубокие соболезнования семье и близким поэта.

საავტორო სიმღერის თბილისის
III საერთაშორისო ფესტივალი

III ТБИЛИССКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ

ОТ ВЕКА СЕРЕБРЯНОГО
ДО ЦИФРОВОГО

6 - 10 МАЯ

К 870-летию Москвы

ГЛАВНЫЙ КОРПУС МГУ им. ЛОМОНОСОВА

